

study  
a Sex Me novella

MIIE

LOGAN CHANCE

## Пролог

27 февраля

Два года назад я потерял контроль. Я поклялся, что этого больше никогда не повторится.

Меня попросили выступить на медицинской конференции в Чикаго. Меня. Врача, который больше не верит в медицину.

## Глава 1

### Марли

Безумие (существительное) — крайняя глупость или иррациональность.

Привет! Это я. Я сошла с ума, но ничего не могу с этим поделать. В се из — за того, что я нахожусь так близко к профессору Хьюстону Дейлу. Это привело меня к тому, что я мастурбирую в туалете Боинга 747, на высоте тридцать тысяч футов.

К ончики моих пальцев пробегает по моему клитору, когда я закрываю глаза, вызывая в воображении его темные глаза, сильные руки, его глубокий голос... ох, Боже, я скоро кончу. Я такая мокрая, и желание, проплывающее по моим венам, слишком сильное, чтобы остановиться.

К тому времени, когда мы вылетели из Международного аэропорта им. Джона Кеннеди, мои нервы уже никуда не годились из — за мыслей о том, что два дня я проведу рядом с моим профессором по анатомии.

Хьюстона Дейла, подождите, извиняюсь, доктора Хьюстона Дейла, попросили выступить на престижном медицинском съезде в Чикаго. Так как я — его помощник, то он попросил меня его сопровождать.

Я была в восторге от перспективы встречи с самыми блестящими врачами страны. Находясь в состоянии сильного возбуждения, я часами упаковывала и переупаковывала разнообразную одежду: повседневную, деловую, даже облегающее коктейльное платье. Мой чемодан, собранный для этой поездки на выходные, заполнен таким количеством одежды, что ее хватит на целую неделю.

Затем разум взял надо мной верх. Поездка на выходные. С профессором Дэйлом. Целых два дня находиться рядом с ним, без какого — либо буфера.

Позвольте мне объяснить проблему с этим сценарием: даже если мое тело несогласно со мной, в большинстве дней, мне не особо нравится профессор Дейл. Но в другие дни, он мне действительно нравится. Все дело в его мозге, его интеллекте. Он такой умный, и конечно же, это пугает. Говорить, что он пугает, — это преуменьшение. Если ты не выполняешь задание или заваливаешь тест, то тебя ждет жестокое высмеивание. Поверьте мне, я испытала это больше чем пару раз.

Мисс Мерфи, возможно, вам нужно вернуться в старшую школу и изучить основы образования?

Мисс Мерфи, вы так и скажете своим пациентам, что у вас не было времени, чтобы заполнить их карты?

Мисс Мерфи, бла — бла — бла...

Этот великолепный мужчина может быть просто ужасающим. Ключевое слово — «великолепный». Высокий, утонченный, и чертовски сексуальный в своих очках. Он постоянно проводит рукой по своим темным волнистым волосам из — за разочарования в своих студентах, оставляя волосы в сексуальном, потрепанном беспорядке. Это отвлекает. Каждый раз, когда он отчитывает меня, я сосредотачиваюсь на форме его полных губ, формирующих слова. На том, как они звучат произнесенные его глубоким голосом. Знания усваиваются с трудом, когда твой профессор по анатомии на занятиях говорит о человеческом теле, и ты используешь его тело как образец.

Дерьмо, у меня дрожат ноги, когда я пытаюсь сохранить равновесие в небольшом пространстве крошечного туалета. Вспышка турбулентности немного встряхивает меня, и я мгновенно теряю сосредоточенность на процессе. Но потом вспоминаю слова, которые сказал мне Хьюстон за пять минут до того, как я пошла в туалет этого самолета, чтобы прикоснуться к себе.

Мы сидели бок о бок, его мускулистая нога касалась моей, наши предплечья находились на подлокотниках на расстоянии волоска друг от друга. Е го челюсть, украшала легкая щетина, и я не могла перестать смотреть на него. Мне хотелось к ней прикоснуться чтобы почувствовать, мягкая ли она. Узнать, царапала бы она чувствительную кожу на моих бедрах, или нет.

От стюардессы не было никакой помощи. Ну, только что то, что она ставила на мой поднос эти восхитительные, крошечные бутылочки водки. Т ак что я пила. Одну бутылочку, за другой. В се это время наблюдая за ним, сосредоточенным на кожаной записной книжке в которой он что-то писал. У него очень красивые руки. Руки, которые способны спасти чью — то жизнь. Очевидно, эта мысль привела меня к желанию узнать, как они будут ощущаться на моей груди. С алкоголем, курсирующим по моим венам, мое воображение разыгралось, как и в любое время, когда я была рядом с профессором Дейлом. Я не могла это остановить. В моей фантазии, он сейчас записывал безнравственные вещи, которые хотел бы со мной сделать. Затем он наклонился, его теплое дыхание обдуло мою щеку: «Не слишком напивайся сейчас. Я бы не хотел воспользоваться твоим опьянением».

Мой взгляд застыл на его темно — карих глазах, и он слегка засмеялся.

Моя киска пульсировала от возбуждения, и я извинившись, одержимая определенной потребностью, понеслась в туалет.

Вы наверное думаете, что я идиотка, у которой не было секса целую вечность. Нет, скорее вы подумаете, что я шаловливая маленькая нимфоманка, которая, как вы можете видеть, фантазирует о том, чтобы быть его. Я имею в виду: «Э й, привет, я здесь мастурбирую!» Но, к сожалению, я ни та, ни другая.

Все, что я понимаю, это... я пьяна. Достаточно пьяна, чтобы признаться себе, что я испытываю вожделение к профессору Дейлу. Он может быть мудаком, но он гениальный мудака, и меня это заводит.

Опираясь плечом о стену, мои пальцы быстрее трут клитор, и я использую для вдохновения сцену нашей посадки на самолет. То, как глаза Хьюстона сверлили меня; узкий проход между рядами сидений; и его твердое тело, прижатое к моему, пропускающего пассажира вперед; его сильная рука прожигающая кожу на моей поясице, когда направляла

меня к нашим местам. Да — а -а!

Наклонитесь над столом. Вы должны быть наказаны.

Бля, я увеличиваю скорость, кружа быстрее. Это ощущается так хорошо. Желание разрастается в моем центре, из — за фантазии, как профессор Дейл шлепает мою голую задницу линейкой. Еще один толчок турбулентности трясет самолет, и на меня обрушивается оргазм. Волна за волной наплывает экстаз. Я стону его имя, когда происходит еще один толчок турбулентности, от чего дверь туалета распахивается.

Мой испуганный взгляд встречается с его глазами.

Темными.

Загадочными.

Шокированными.

Задающимися вопросом что, блять, я делаю с задранной юбкой и рукой в моих розовых трусиках.

О Б оже! Он слышал, как я стонала его имя. Прежде, чем я захлопываю дверь, вижу как уголок его губ приподнимается в ухмылке.

У хмылке сексуальной задницы.

Чтоб меня!

Глава 2

Хьюстон

28 февраля

Два месяца до даты. Шестьдесят дней.

Как по часам, мое настроение спускается, словно по спирали. Я не хочу ехать в эту поездку. Трёп лучших врачей в этой области? Кого это заботит? Уж точно не меня.

Я просто хочу сидеть в своей квартире. В одиночестве.

И определенно, я не хочу сидеть рядом с этой красивой девушкой.

Она симпатичная, хлещет водку, будто это вода. Словно она ей необходима, чтобы выжить. Наблюдение за ее ногами — это все, на чем я могу сосредоточиться, вместо того, чтобы писать свою речь. А я, должен сделать это сейчас.

Речь:

Привет, засранцы! М не плевать. Благодарю.

Марли, только что проскользнула мимо меня, чтобы пройти в туалет, и ее дрожащая рука задержалась на моем плече, пока она пробиралась в небольшой проход.

Бля, она так хорошо пахнет. Как счастливые воспоминания и солнечный свет — в одном флаконе. Я сдерживаюсь, чтобы не проследовать за ней туда. Заявить права на ее тело для себя.

— Подождите, что вы имеете в виду, говоря: «Мы потеряли вашу бронь»? Я звонил три дня назад, чтобы ее подтвердить! — я очень, очень зол! Э ти шуты ожидают, что я буду жить

в одной комнате со своей студенткой?

— Простите, сэр. У нас нет записи о вашем бронировании, — говорит служащая отдела регистрации гостиницы «Hilton» в центре Чикаго. Ее яркие голубые глаза смотрят без всякого стыда, пока кипит мой гнев.

— Проверьте еще раз, — огрызаюсь я, указывая на монитор. — Она должно быть там. У меня есть номер подтверждения. На две комнаты.

Ее пальцы стучат по клавиатуре компьютера, от которого она не может оторвать глаз.

— Ох, да, вот она. Доктор Дейл. Один номер, две двуспальные кровати.

Я качаю головой на ее заявление.

— Нет, это неверно. Я заказывал две комнаты, — я держу поднятыми два пальца, надеясь, что так она лучше меня поймет, потому что прямо сейчас эта цыпочка ни хрена не понимает.

Это кошмар. Как я могу делить с Марли одну комнату после того, как увидел ее мастурбирующей? Я смотрю через плечо на нее, стоящую посреди оживленного фойе, не обращающей внимания на проблемы, с которыми я столкнулся у стойки регистрации. Своими каштановыми волосами, ниспадающими волнами на ее плечи, она напоминает мне кинозвезду.

Ее пальцы летают по телефону, набирая сообщение. Ее пальцы... Мой мозг возвращает меня в самолет. К розовым трусикам. К ней, стонущей мое имя. Прошло много времени с тех пор, как женщина кричала мое имя и, возможно, мне нужно это исправить, потому что мой член с того момента стал твердым. Часть меня хотела войти в туалет и продолжить то, что она начала. Другая часть знала, что я никогда не смогу переступить эту черту.

— Сэр, мне жаль, — служащая снова обращает на меня свое внимание, — у меня записано, что вы заказали одну комнату.

— Хорошо, выделите мне номер с двумя комнатами, — требую я. — Мне нужны две комнаты. Со мной студентка — ассистент. Мы не можем жить в одной комнате, — я постукиваю пальцами по мраморной столешнице, чтобы успокоится.

Ее глаза суживаются, смотря на экран, а затем она бросает на меня взгляд.

— Послушайте, у нас все распродано из — за медицинского съезда. И так во всех отелях, — она наклеивает фальшивую улыбку на свои тонкие губы. — У нас для вас есть однокомнатный номер. Я сожалею.

Она не сожалеет. Если бы ей было жаль, то она не стала бы бросать мне вызов своими слишком тонкими бровями. Но я, ничего не могу с этим поделать.

— Хорошо, — соглашаюсь я, сдвигая свои очки и пощипывая переносицу. Она вводит информацию обо мне, а затем передает мне ключ-карту.

Я подхожу к Марли и рассказываю о ситуации с номерами. Ее яркие зеленые глаза, смотрят куда угодно но только не на меня. Она не смотрит мне в глаза с тех пор, как вернулась из туалета в самолете.

Тишина заполняет лифт, когда мы поднимаемся в наш номер. Уже поздно, а мне еще нужно готовиться к моей завтрашней лекции.

Съезд, всего на один день, наполнен многочисленными конференциями. Я выступаю завтра в семь тридцать вечера, во время ужина с лучшими врачами страны. Это все завтра, а я уже хочу, чтобы это уже закончилось. Большинство людей в этой ситуации, нервничали бы. Черт, два года назад я был бы ошеломлен. Но теперь... ничего.

Выйдя из лифта в коридор, к тишине между нами добавляется мрачное напряжение.

Пока мы приближаемся к нашему номеру, Марли не отрывает взгляда от красно — золотого ковра. Возможно, я бы попытался облегчить неудобную тишину, если бы не воспроизводил в памяти ее действия в туалете самолета. Это — ненормально, но меня не покидает вид ее раскрасневшегося лица, и ее голос, когда она простонала мое имя. Я ее профессор, но ...

Я — человек.

Я — мужчина.

А она — чертовски горячая.

Карточка-ключ щелкает, открывая электронный замок на двери. Отступив, я пропускаю ее вперед.

Она закатывает свой маленький чемодан в середину комнаты, покрытой желто — коричневым ковром, и останавливается, бросая свою сумочку в зеленое кресло у телевизора.

— Уютно, — говорит она, оглядывая небольшое пространство. Оно кажется еще меньше, когда она рядом со мной наедине.

В комнате некомфортная температура, и она подходит к термостату и настраивает его. Я хотел бы ослабить напряжение между нами (ну, не совсем, нянчиться с ней — не мой приоритет). Вместо этого я бросаю свой чемодан на кровать, расположенную ближе всего к ванной.

— Полагаю, я займу эту.

Не поднимая на меня своих глаз, она кладет чемодан на другую кровать, расстегивая его. Когда мы будем спать сегодня ночью, нас будет разделять только один фут. Из — за которого, давайте смотреть правде в глаза, я в любом случае, не слишком много посплю.

— Я собираюсь принять душ, — говорит она, хватая из чемодана сменную одежду. Она делает это так быстро, и это почти смешно, пока я не вижу в ее руке белые кружевные трусики. Я развязываю галстук. Почему здесь так чертовски жарко? Ее лицо вспыхивает, когда она видит, что мой взгляд не отрывается от тонкого клочка материи в ее руке. Она достает из чемодана сумку с туалетными принадлежностями и бросается в ванную.

Закрыв глаза, я щипаю себя за переносицу. Мне нужен гребаный алкоголь.

— Я иду в бар внизу, — кричу я в дверь ванной, откуда слышен звук душа. Она уже голая?

Черт, мне нужно отсюда выбраться.

Через пять минут, я потягиваю свой скотч и смотрю на бутылки с алкоголем за барной стойкой.

Эта ситуация — полный капец. Мне еще никогда не приходилось бороться с влечением к студентке. Прямо сейчас, она принимает душ. Бля. Мой член становится твердым, когда мне на ум приходят картинки о ее намыленной фигуре. Она ниже моих шести футов (Прим. пер. — 183 см.), по крайней мере, на полфута (Прим. пер. — 15 см.); ее грудь достаточно полная, чтобы заполнить мои большие ладони; а ее задница — это совершенство. Я бы многое отдал, чтобы ворваться в дверь ванной комнаты и взять ее сзади, прямо в душе.

Но я этого не сделаю.

Я больше никогда не потеряю контроль.

Мне нужен контроль. Моя жизнь — гребаный беспорядок.

И это все — моя вина.

Стыд заполняет меня, когда я думаю обо всем, что привело меня к этому состоянию в моей жизни.

Фатальная ошибка.

Это я.

Я когда — то жил в Чикаго и любил его; сияющая звезда, один из лучших врачей в своей области. Я посвятил свое время работе и любил спасать жизни.

Итак, почему я теперь профессор в Нью — Йоркском Университете? Д а, хороший вопрос.

Трудно точно определить, когда твоя жизнь начинает двигаться по неверному пути. Однажды ты просыпаешься, и вот, ты там — в другом городе и выполняешь работу, которую не любишь.

Ненавижу преподавать. А мои студенты ненавидят меня. Я осведомлен о кривотолках и слухах обо мне. Некоторые называют меня одним из самых жестких и неуживчивых профессоров в кампусе. Я горжусь этим. Жизнь тяжелая, а иногда и беспорядочная. Ради будущего, они должны усердно учиться.

Меня тошнит от того, что я изо дня в день смотрю на студентов, входящих в мою аудиторию, а их полные надежды сердца очарованы мечтой быть врачом. Когда — то и я был таким.

Спасение жизни было моим призванием, моей единственной истинной миссией. А сейчас? Сейчас я стал жалким.

Чокаясь со своим отражением в зеркале за барной стойкой, я глотаю оставшуюся часть моего скотча и показываю бармену, что хочу еще. Смех привлекает мое внимание, и я вижу нескольких моих прежних коллег, сидящих за столиком не слишком далеко от меня.

Дерьмо. Я стараюсь сесть так, чтобы меня не было видно. Н адеюсь, что они меня не заметят. Но мне не везёт

— Доктор Дейл, сюда, — кричит У ильям через все помещение. Его громоздкое тело выпирает и нажимает изнутри на пуговицы его оксфордской рубашки, когда он машет своей рукой, словно я его и так не вижу и не слышу.

Я поднимаю очки на лоб и потираю глаза. Улыбаясь, я хватаю свой напиток и направляюсь к ним. Не избегаю неизбежного.

Трое мужчин, все лысые и старше меня, сидят за глянцевым деревянным столом. Стол заставлен пустыми стаканами, и я смеюсь, прежде чем сесть. Из аудиосистемы Элтон Джон завывает грустную песню о свече или чем — то в этом роде, и атмосфера в баре говорит о том, что скоро настанет время закрытия. Слава Б огу, эта попытка будет непродолжительной.

— Здравствуйте, давно не виделись, — приветствую я их. Мой голос гладкий и твердый, он не дает и намек на враждебность, которую я чувствую. С тех пор как я последний раз видел этих людей, прошло много времени. Ну, если бы прошло еще больше, я бы не особо и жалел. Лучше быть где угодно, чем здесь. Прямо сейчас, я хочу быть в душе со своей ассистенткой.

— Дейл, как ты? — спрашивает Гэри, известный доктор из «Чикаго Хоуп». Вот оно. Началось.

— Мой нос зажил, спасибо, что спросил.

А вот и продолжение.

— Я знаю, что у тебя тогда был трудный день, поэтому оправдываю и не злюсь на тебя. Я разговаривал с твоим отцом, слышал, ты сейчас преподаешь анатомию в Нью — Йоркском Университете?

Я откидываюсь на спинку стула, вытягиваю ноги и смотрю на хрустальный стакан, наполненный скотчем. Глотая его, я позволяю жжению утихнуть, прежде чем, наконец,

ответить:

— Я задолжал вам извинения. Мне жаль. Но это было давно. И да, вы слышали правильно.

Гэри и Уильям обмениваются выражением жалости, и я уже хочу взорваться. Нет ничего хуже жалости. Необходимость убежать ползет по моему позвоночнику и почти поднимает меня со стула. Мне нужно выбраться отсюда.

— Нью-Йоркский Университет — отличное учебное заведение, — добавляет Чарльз. — Ну и как? Нравится там работать?

Когда я работал в «Чикаго Хоуп», Чарльз был моим наставником. Он — хороший человек, всегда ищет положительное, даже в том где его не существует. Один из ведущих нейрохирургов в мире, он может творить чудеса с человеческим мозгом. Я испытываю небольшой соблазн заставить его поработать над моим, чтобы я смог перестать думать о некой голой студентке, которая находится в моем номере.

Я выбираю меньшее из двух зол и решаю, что лучше буду бороться с искушением в виде своей студентки, чем просижу здесь еще минуту.

Вставая, я бросаю на стол несколько банкнот, и наконец, выдаю ему правду, прежде чем уйти:

— Я это чертовски ненавижу.

Г лава 3

Марли

Унижать (глагол) — оскорблять или позорить, ущемляя чью — то гордость.

Я приняла душ, словно пытаюсь смыть свое смущение после инцидента в самолете. Когда я вернулась на свое место, то даже не могла на него смотреть. Он тоже сделал вид, словно ничего не произошло. И это к счастью, я не хочу говорить о деталях этого эпизода, никому и никогда.

Как глупо. Это бессмысленное влечение, которое я к нему испытываю, должно прекратиться.

Надев удобную пару черных пижамных штанов и розовую майку, я забираюсь в выделенную мне кровать. Я все еще немного пьяна, и поэтому отключаюсь, как только моя голова касается подушки.

Я просыпаюсь от какого-то звука и выглядываю из — под одеяла, чтобы увидеть как Хьюстон расстегивает рубашку. Я замираю и стараюсь не шевелиться, когда он снимает рубашку со своих широких плеч.

Бледный лунный свет проникает сквозь щель в занавеске, обрисовывая шесть твердых кубиков и выдающиеся грудные мышцы. Я бы многое отдала, чтобы их облизать.

Его руки двигаются к пуговице на поясе черных брюк, и мой разум замирает. Профессор Дейл собирается снять брюки. Не могу поверить, что являюсь свидетельницей этого. Люди, вероятно заплатили бы деньги, чтобы посмотреть шоу, которое я смотрю. А у меня билеты на первый ряд. Бесплатно.

Он расстегивает ширинку, и начинается мучительный спуск. Хотелось бы, чтобы он уже просто сорвал их, как это делают стриптизеры. Ему нужны те брюки, которые разлетаются

по боковым швам. Я хихикаю про себя при мысли о том, чтобы спросить сурового профессора Дейла, можно ли включить музыку для стриптиза, в то время как он снимает брюки, вертя задницей. А затем происходит то, чего я жду с момента начала этого представления: брюки с тихим шелестом падают у его ног. Вау. Его скульптурное тело великолепно. Я прохожусь своими глазами по длинным ногам к черным боксерам. Его косые мышцы указывают прямо на его член. По материалу своих трусов, он выглядит мощным, впечатляющим, выпуклым. Его рука пробегает по члену, когда он приближается к своей кровати. Он откидывает покрывало и ложится в постель. Как разочаровывающе. Шоу закончилось, а я даже не получила танца на коленях. Я уплываю в мечты о его теле, о том, как он заставляет меня кончать снова и снова. Меня снова будет звук. На этот раз это низкий стон.

Мои глаза открываются, и в темноте я разглядела, как Хьюстон бьется в постели, что — то бормоча. Я не знаю, будить ли его или оставить его лицом к лицу со своим сном. Думаю, оставлять его в кошмаре будет жестоко.

Я отбрасываю одеяло и встаю над его кроватью.

— Профессор Дейл?

Ничего.

— Профессор Дейл? Хьюстон?

Блестящий пот покрывает его голую грудь, и его голова качается в отрицании на подушке.

— Нет, — рычит он.

— Хьюстон? Вы в порядке? — постель немного прогибается, когда я залажу к нему. Сидя на коленях, я толкаю его в плечо. — Хьюстон, — говорю я немного громче.

Он выпрямляется как струна, его глаза раскрываются.

— Что? — через мгновение он фокусирует на мне свой взгляд. — Что вы делаете в моей постели, Марли?

— У вас был плохой сон.

Его кошмар, должно быть, был ужасным, исходя из того, как поднимается и опускается его грудь. Но именно его глаза что-то делают со мной. Они дикие, испуганные, полыхающие от напряженности. Я хочу поддержать и утешить его.

Он проводит рукой по своему промокшему от пота лбу.

— Убирайтесь из моей постели, сейчас же.

Он ведет себя холодно, терзаемый призраками. Холод скользит по моей спине, когда я покидаю его кровать.

— Простите. Я просто беспокоилась о вас, — говорю я мягким голосом.

— Я в порядке. Все в порядке, — говорит он, поворачиваясь на бок, спиной ко мне. — Возвращайтесь в постель, или мы проспим утром.

И, на следующее утро мы опаздываем.

Мы мчимся, и все время Хьюстон унижает меня, говоря, что я виновата в нашем опоздании.

Его жестокое отношение так и не изменилось во время съезда, и не сошло на нет, во время полета домой. По крайней мере, это гарантирует то, что не будет повторения инцидента, о котором мы никогда не будем говорить. После того, как мы забрали наш багаж с багажной ленты в зале прилета, он уходит, и я больше не вижу его до понедельника, когда я просыпаюсь ... снова поздно.

Дерьмо. Как это происходит? Я никогда не опаздываю. В рекордное время я собираюсь, хватаю протеиновый батончик из кладовой и выбегаю в дверь. Как только я выхожу из дома, в меня бьет яркий солнечный свет. Поспешно направляюсь к метро, параллельно ища и вытаскивая из сумки солнцезащитные очки, чтобы защитить свои уставшие глаза и тут, в кого — то врезаюсь.

— Срань господня, мне очень жаль. Я не видела вас, — извиняюсь я, инстинктивно проводя своей рукой по твердой груди, в которую только что врезалась.

— Мисс Мерфи, вам следует обратить более пристальное внимание на то, куда вы идете, — я смотрю в темные глаза профессора Дейла.

Я отдергиваю руку от его груди, полностью униженная. Мое лицо горит от смущения.

— Профессор Дейл, мне очень жаль, — он стоит неподвижно, глядя на меня. — Солнце било в глаза, и я пыталась надеть солнцезащитные очки, так что я не обратила внимания, куда шла, — болтаю я.

Его взгляд пробегает по моему лицу.

— Вам стоит больше спать, мисс Мерфи. Таким образом, вы не будете всегда опаздывать. Опоздание недопустимо, — он смотрит на свои часы, а потом снова на меня. — У вас есть двадцать минут до начала занятий. Если у вас мало времени, возможно, вам нужно еще раз подумать, хотите ли вы быть врачом, — он поправляет свой темно — синий галстук. — Умиравший пациент не оценит вашу неспособность управлять своим временем.

С этой словесной пощечиной он оборачивается и быстро уходит. У его широких шагов есть цель: принижать всех на своем пути. Убирайтесь с его пути или будете свалены в груды обломков у его ног, одетых в дизайнерские туфли. Внемлю ли я его словам и направляюсь на занятия? Нет. Вместо этого я столбом стою, кусая свою губу, и зацениваю то как его задница, смотрится в темно — синих брюках. Он останавливается у края дороги и ловит такси. Как только он забирается в него, я вырываюсь из своих мыслей сексуального характера и мчусь к тротуару, чтобы сделать то же самое. Обычно я езжу на метро, но сегодня я хочу передышки. И, может быть, просто немного доказать, что я не разочарую умирающего пациента. Я буду рано.

Да пошел ты, профессор Дейл.

Водитель движется так, словно у него миссия выиграть награду «Самый медленный водитель в мире». Сегодня мне «везет»: я словила единственное такси в Нью — Йорке, цель которого — не нагнать ужас на своих пассажиров. Мы ловим каждый красный сигнал светофора. Я кусаю ногти, когда смотрю, как мимо нас проезжают машины.

— Может быть, вы поторопитесь? Я опаздываю, — говорю я водителю.

Он улыбается, но не нажимает на педаль.

После небольшой пробки он, наконец — то подъезжает. Я вылетаю из машины, и у меня остается всего лишь несколько минут.

Пожалуйста, пусть будет так, что я не опоздаю.

Мои туфли громко стучат по пустому коридору. Все уже в аудиториях, как хорошие ученики. Я спешу сделать то же самое.

Дверь в метре от меня, и я вижу через окно профессора Дейла.

Дерьмо. Он собирается закрыть ее.

Я хватаю металлическую ручку, мои глаза умоляют его холодные глаза.

Щелк.

Звук защелкивающегося замка расходится эхом по коридору. Это оглушительно, и мой

мозг не может обработать его мудачество. Я нахожусь прямо здесь. Кончики моих пальцев были на ручке. Черт возьми, это не справедливо.

Уголок его рта поднимается в греховной ухмылке, и он качает головой.

Это последнее, что я вижу, прежде чем он опускает вниз жалюзи на окне, закрывая мне обзор на аудиторию.

Я опускаю руку. Хорошо, завтра я буду рано.

## Глава 4

### Хьюстон

Мой терапевт говорит, что запись в этом журнале поможет справиться с моими «проблемами».

4 марта

Это не так. Последние несколько месяцев ночные кошмары посещали меня без остановок. Я чертовски ненавижу, что Марли стала этому свидетелем.

Марли.

Теперь она — новая проблема. Несмотря на это, кажется, она лучше помогает справиться с моей «проблемой», чем этот журнал. Отвлечение, помогающее обуздать мои мысли. Мысли, которые продолжают вторгаться в мой разум. И я приветствую ее, поощряю ее, потому что это первая вещь, которая дает мне момент передышки от моей «проблемы».

Чертовы идиоты. Глядя на нетерпеливые глаза моего утреннего класса анатомии и физиологии, я съеживаюсь. Восемьдесят пар глаз смотрят на меня так, словно я говорю по-японски.

С еместр длится уже некоторое время, и этот класс все делает отвратительно. Они вообще учатся? Каждый из них бунтует. Медицинская отрасль скоро загнется, если эти тупицы — наши будущие врачи и медсестры.

— Откройте учебник, — говорю я классу, вставая со своего места. — Страница триста восемьдесят два. Раздел седьмой. Кто хочет сказать мне, какой ответ на задание 5 — А?

Пустые взгляды от всех. Книга «Анатомия и физиология» стоит пятьсот долларов, можно подумать, что эти дети время от времени заглядывают в нее.

— Мышцы? — отвечает с первого ряда Брайан, долговязый рыжий парень.

Ядвигаю выше на нос свои маленькие очки в черной оправе, и бросаю на него быстрый взгляд.

— В теле — шестьсот сорок скелетных мышц, — я смотрю на весь класс, но только один студент привлекает мое внимание. Марли. Благодаря воспоминанию о ее чертовой руке в розовых трусиках.

Я включаю свой проектор и прохожусь по мышцам лица.

— Мисс Мерфи, пожалуйста, спуститесь, — вызываю я. С тех пор как мы вернулись на прошлой неделе, она избегала каких — либо контактов со мной, поэтому сегодня у меня есть настроение поиграть с ней. Я бы солгал сказав, что не наслаждаюсь, наблюдая как она становится взволнованной рядом со мной.

Я оборачиваюсь, засовываю руки в карманы и смотрю, как ее длинные ноги спускаются по лестнице. Она останавливается передо мной, ее глаза полны сомнений, руки дергают за край зеленого свитера. Он идеально подходит ее глазам. А вот это, действительно является тем, что я не должен бы замечать. Она оборачивается по моей просьбе и становится лицом к студентам.

— Улыбнитесь, мисс Мерфи, — инструктирую ее я. Мои глаза неотрывно смотрят на ее полные розовые губы, ожидая. — Это так сложно, мисс Мерфи? — спрашиваю, поднимая свой взгляд, чтобы встретиться с ее осторожным взглядом. Мой член дергается. Он становится очень твердым, когда она так близка. Наконец-то, ее рот складывается в улыбку. Но она не достигает ее глаз. — Сколько мышц вы использовали?

— Пять, — правильно отвечает она.

Я киваю, затем протягиваю руку, чтобы провести своим пальцем по ее челюсти. Лицо Марли с ее выразительными глазами — это произведение искусства. Ее фарфоровая кожа невероятно мягкая. Мягче, чем я думал.

— Что это за мышца?

Ее длинные ресницы трепещут. Легкая дрожь, которая проходит по ее телу, не ускользает от меня.

— Жевательный мускул, — отвечает она, с легкой дрожью в голосе.

Продолжая свое исследование ее тела под видом обучения, я провожу кончиком пальца по шее и ощущаю беспорядочный темп пульса. Прикосновение к ней заставляет и мой пульс, бешено колотиться. Это кажется чуждым, и меня охватывает волнение.

— Бонусный вопрос: назовите эту артерию.

— Сонная артерия, — шепчет она, и я забываю, что весь класс наблюдает за нами.

Я убираю руку, возвращаясь к настоящему.

— Возвращайтесь на свое место, мисс Мерфи.

Когда остается лишь несколько минут до окончания занятия, я выключаю проектор.

— Хорошо, завтра мы проведем тест по мышцам лица, так что учите.

Аудиторию заполняют звуки закрывающихся ноутбуков и гомон собирающихся и уходящих студентов. Марли сидит в аудитории на несколько рядов выше моего стола, и мои глаза ловят ее взгляд. Она быстро его отводит. Когда она наклоняется, чтобы поднять с пола свою сумку, ее ноги слегка сгибаются, и я смотрю на ее юбку. Я пытаюсь отвернуться, но не могу.

Мое сердце бьется, когда я вижу белые трусики, закрывающие ее киску. Что бы я только не отдал, чтобы нырнуть прямо туда.

Аудитория опустела, за исключением Марли, стоящей около своей парты, набирающей сообщение на телефоне одной рукой, пока она собирает свои оставшиеся вещи другой.

Мне нужна еще одна доза. Мне нужно почувствовать прилив адреналина, который она вызвала во мне.

— Мисс Мерфи? — кричу я.

Ее голова резко поднимается, она смотрит прямо в мои глаза.

— Да?

— Подойдите сюда, — когда она встает передо мной, я подхожу ближе. — Мне нужна ваша помощь.

— С чем? — ее губы морщатся, когда она жует внутреннюю поверхность своего рта.

Она была моим ассистентом весь семестр, и конечно же, я заметил, что она

симпатичная, но мои отношения с моими студентами всегда были строго профессиональными. Многие, полные страстного желания молодые женщины пытались приставать ко мне, но забраться в мою постель, никто не смог. По какой — то причине картинка того, как Марли кончает в туалете самолета, и выражение экстаза на ее лице сделали то, чего не смог достичь никто другой.

— Вы всегда жуete внутреннюю поверхность своего рта? — спрашиваю я ее. После инцидента в самолете я начал замечать небольшие детали, касающиеся ее

— Правда? Я никогда не задумывалась об этом, — говорит она, пока ее глаза избегают мои.

— Могли бы вы этого не делать, пожалуйста. Это отвлекает меня, — я забываю даже то, зачем я позвал ей сюда.

Она прекращает это делать, скрещивая руки на груди. От этого, ее груди поднимаются.

— Хорошо, с чем вам нужна помощь?

— Просто будьте здесь после вашего последнего занятия, — мои глаза скользят по ее телу. Короткая черная юбка, которая на ней надета, заставляет быстрее бежать мою кровь. Я забыл каково это, иметь пульс. Это чертовски хорошо. Волнующее. И я хочу больше.

— Как скажете, профессор, — не пререкаясь она отходит от меня, ее бедра покачиваются из стороны в сторону.

Ее задница говорит со мной, умоляя меня отшлепать ее. Я качаю головой и пытаюсь похоронить мысли обо всех тех вещах, которые я хочу с ней сделать. Прежде чем она отходит слишком далеко, я кричу ей:

— О, и Марли ...

— Да, — говорит она, резко разворачиваясь чтобы взглянуть на меня.

То, что я собираюсь сделать, может стоить мне моей работы. Я медленно приближаюсь к невидимой линии, которая горит большим предупреждающим знаком, говорящим не пересекать ее. И я делаю смелый шаг, все — таки игнорируя предупреждение.

— Мне больше нравятся розовые, а не белые.

Ее глаза расширяются, и рот в удивлении открывается. Алый румянец заливает ее щеки, когда она восстанавливает свое самообладание.

— Что вы имеете в виду?

Уменьшая расстояние между нами, становясь лицом к лицу, я смотрю на нее сверху вниз. Впервые за сегодняшний день я чувствую аромат ее духов. Сладкая, фруктовая смесь груш и персиков. Мне не нравится, что я люблю этот аромат. Или то, что я намеренно вдыхаю его, когда приближаюсь к ее губам.

— Ваш стол находится на уровне моих глаз, и я могу видеть все. И, в моем кабинете есть туалет, если вы хотите повторить то, что делали в самолете, — безусловно, я первоклассный мудака, не говоря уже о совершенном непрофессионализме, но подъем, который я испытываю, нажимая на ее кнопки, возбуждает меня.

Уголки ее губ опускаются вниз, а глаза изучают меня. Мне нравится, как вена на ее шее пульсирует от гнева. Мне нравится то, что она знает, что я знаю. И мне чертовски нравится то, что она не собирается ловить меня на слове в ответ на мое предложение использовать мой туалет. Потому что нет ни малейшего шанса, что я не ворвусь в дверь, в стиле пещерного человека, и не приведу в восторг ее тело всеми способами, которыми хочу это сделать.

Не говоря ни слова, она поворачивается и выбегает из аудитории, хлопая дверью.

Обессилить (глагол) — чувствовать отсутствие энергии или жизненной силы.

Через неделю, когда он отпускает последний класс, и уходят все ученики, я подхожу к его столу, опуская перед ним документы, над которыми работала.

— Готово, — почти хочу добавить слово «хозяин», но не делаю этого.

Он свирепо на меня смотрит, словно он зол. Его темные глаза сужены.

Что я теперь сделала? Последние несколько недель он был раздражительным. Будущий врач во мне критикует его внешний вид. Судя по темным кругам под его глазами, я бы сказала, что нехватка сна подпитывает его ядовитые тирады. Диагноз: Задница.

Это становится утомительным. Человек может многое принять, но может легко сломаться. Всю ответственность он возложил на меня. Я устала и раздражена. Я все еще не забыла, как он указал на возможность видеть мои трусики. Я тогда едва могла говорить.

— Пфф, — это его ответ. Вот оно. Просто «Пфф». Ни слова, только звук. Он поднимает бровь, и его неудовлетворенность поднимает мой гнев на ступеньку выше. Я собираюсь уничтожить хрупкий мир, который был между нами.

— Простите, профессор, существует ли другой правильный способ разложить бумаги? Разве этот вас не удовлетворил? Разве я была не достаточно быстра для вас? Раскладывание документов — это не то, что мне действительно нравится делать.

Он небрежно стоит возле своего стола, это меня нервирует. Спокойствие — это не то, чего я ожидала.

— Ты хочешь быть врачом, верно? — наконец отвечает он.

— Вы знаете, что хочу.

Двигаясь, как вспышка молнии, он обходит стол, и его лицо оказывается в нескольких дюймах от моего.

— Тогда привыкайте делать то, что вы не планируете делать. Привыкайте к неожиданностям. Привыкайте к шоку.

Его близость заставляет меня немного отступить и опереться на край его стола. Я откидываюсь назад, когда его горячее дыхание касается моих губ.

Он дергает меня за руку, поворачивая меня. Прежде, чем я могу понять что происходит, он надавливает на голову и моя щека соприкасается с твердым деревом, а его рука производит громкую связь с моей задницей.

Я задыхаюсь. Он только что меня шлепнул.

Кровь приливает к моему лицу. Его большая рука повторяет удар, и он рычит. Этот звук тотчас же меня заводит. Между моими ногами становится мокро. Я хочу еще один шлепок.

Он отходит, отворачиваясь от меня.

Н несколько мгновений я лежу без движения. Медленно поднимаюсь, широко раскрыв глаза, пытаюсь понять что, черт возьми, произошло. Интересно, почему я не в ужасе.

— Увидимся завтра, — говорю я, скрывая свой шок.

Двигаясь словно в прострации, собирая свои вещи, я не спешу выйти из комнаты. На самом деле, я не могу выдать какую — либо уместную реакцию. Что уместно в этой ситуации? Наверное, не желать, чтобы он использовал линейку вместо руки. И конечно,

перед тем как выйти за дверь не одаривать небольшой улыбкой авторитетную фигуру, которая только что тебя отшлепала. А ведь именно это я и сделала.

Как только я выхожу за дверь его аудитории, то прислоняюсь к стене для поддержки. Мои ягодицы горят из-за следа его большой руки. Мои щеки горят из-за знания, что он меня отшлепал. Дважды. И, блин, мне понравилось. О'кей, я фантазировала об этом, но я никогда не ожидала, что он действительно это сделает. Моя фантазия только что стала реальностью, и как ни странно, я больше не чувствую себя раздраженной или уставшей. Как будто он своими шлепками избавил меня от негатива. Кроме того, я возбудилась.

В столовой кампуса, хватаю себе кофе и прохожу небольшую дистанцию до библиотеки. Найдя столик в самом конце, я бросаю свою сумку, и блуждаю между библиотечными стеллажами в поисках нужного медицинского журнала. Наверное, я в шоке. Невозможно усваивать знания после того, как твой профессор тебя отшлепал. Он меня отшлепал! Как я буду смотреть ему в глаза после этого?

Я просто притворюсь, что ничего не произошло? Ну, я всегда могу перевестись в другой вуз, но... не буду делать этого. Потому что, видимо, я нормально отношусь к тому, что меня шлепает мой профессор. Боже, что со мной происходит? Я всегда была прилежной и ответственной, а мои старшие брат с сестрой были более беззаботными. Мой брат Эрик называет меня «Мудрейшая». Моя сестра Лекси называет меня «Умные штанишки». Я всегда помогаю им разруливать ситуации, направляю их по разумному пути, так как же я сама попала на эту дорогу в Капецвилль? Прежде чем я успеваю развить эту мысль, передо мной появляется мужская рука, чтобы взять медицинский журнал, который я не могу достать с высокой полки. Если говорить об этой руке... то, это — та рука, которая меня отшлепала.

Когда я разворачиваюсь, моя грудь прижимается к твердой груди Хьюстона.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я.

— Я думаю, нам нужно обсудить то, что произошло, — говорит он, не отходя от меня.

Мой взгляд метнулся в проход, чтобы убедиться, что мы одни.

— Я не думаю, что это необходимо, — говорю я ему, отступая. Однако полка позади меня мешает мне отступить дальше.

Он подходит ближе.

— Марли... — он не может закончить, потому что не подумав, я подношу палец к его губам, чтобы остановить слова, которые вот-вот сорвутся с его языка. Он не может их здесь произнести. Не в публичном месте. Желательно вообще никогда.

— Послушай меня, — шепчу я, — все в порядке, на самом деле. И здесь не место обсуждать те вещи, которые не следует обсуждать, — если бы кто —нибудь услышал, как мы обсуждаем случившееся, последствия были бы суровыми и незамедлительными. Как его шлепки. Опять же, я проверяю проход и к счастью, никого нет. О, Боже! О чем он думает? Очевидно, что он не думает, впрочем, как и я теперь, потому что он заставил меня потерять рациональную мысль, засасывая мой палец в свой рот. Он мокрый и теплый. Его язык скользит по моей коже, прежде чем он освобождает мой палец.

— Не затыкай меня, — говорит он. — Именно поэтому то, что произошло ранее, вообще произошло.

Я хватаю его за руку и тяну его за собой в укромный уголок прохода.

— Ты думаешь это было ошибкой? — этот уголок был плохой идеей, потому что теперь он прижимается ко мне, его высокое тело, словно стена, отделяет это небольшое пространство.

Его темные глаза сверлят мои.

— Да, — прозаично говорит он. Он отказывается говорить шепотом. Какую часть того, что мы находимся в библиотеке, он не понимает?

— Тссс, — я оглядываюсь вокруг него, в проходе все еще никого нет.

Его руки захватывают меня в клетку, и он устраняет каждый дюйм пространства между нами.

— Не смейте на меня «тсыкать», мисс Мерфи, — он опускает свое лицо вниз, близко к моему. — Разве, что ты захочешь повторения.

Ну, я хочу повторить, но это, наверное, очень плохая идея. Он прижимается к моему уху, откидывая волосы своим носом.

— Вы хотите, чтобы я вас отшлепал, мисс Мерфи? — вот так, мурашки мчатся по моей коже из-за чувственного ощущения его губ, прикасающихся к раковине моего уха. Это так плохо. Очень плохо. Любой может зайти за этот угол и найти нас. И как мы дошли до этого? Мои пальцы сжимают край его карманов, когда он снова шепчет: — Сделай это еще раз, и ты снова почувствуешь жжение от моей руки на твоей заднице.

Мягкое «тсс» выскальзывает из моего рта, прежде чем я смогу это остановить.

Его зубы зажимают мочку моего уха.

— Бля, — шепчет он мне на ухо. — Тебе, не стоило этого делать.

О, я знаю. Я знаю. Это все выходит из — под контроля, и одному из нас нужно это остановить. Надеюсь, что он это сделает, потому что я не могу. Он отходит от меня, словно услышал мою молчаливую просьбу. Он еще раз дразнит меня, поправляя свой стояк, натягивающий его брюки, прежде чем повернуться и уйти.

## Глава 6

Хьюстон

16 марта

Прошлой ночью у меня снова был тот же кошмар. Но в середине, обычный сценарий изменился, появилась Марли. Она стояла передо мной смеясь, и протягивая мне руку. Чтобы спасти меня от моих страданий. Эта часть сна была еще страшнее, чем моя обычная потеря контроля.

Это не работает.

Она смеется в моем сне, она высмеивает мой сон.

Хотел бы я сделать это простым. Мне хотелось бы смеяться вместе с ней, но я забыл, как.

Бля, Марли меня бесит. Я все еще не могу поверить, что я ее отшлепал. Я. Ее. Отшлепал.

Ощущения были прекрасны. Все напряжение, которое я держал в себе, было выпущено на ее милую округлую попку. У меня внутри вспыхнула искра. Но, она погасла в тот момент, когда Марли ушла, а реальность вернулась. Когда я пошел в библиотеку, я хотел извиниться,

но она на меня «тсыкнула». Понимание того, что ей, бля, нравятся шлепки, еще сильнее усложняет сопротивление искушению, в ее виде. Не сказать, что я прилагаю много усилий. Наоборот. Я разыскиваю и провоцирую ее.

Я чувствую себя школьником, придирающимся к красивой девочке, потому что он слишком боится приблизиться к ней. Но черт, возьми! Существует слишком много причин, почему я не должен к ней приближаться. Она — моя студентка, моя ассистентка, и она слишком счастлива для меня. Я быстро бы, приглушил ее сияющий свет. Свет, который изо дня в день светит все ярче. Вся такая радостная ... Д ерьмо! Чтобы отвлечься от мыслей с ней, я хватаю с полки медицинский журнал и погружаюсь в кожаное кресло.

Вдали раздается вой сирен, и я подхожу к окну, чтобы проверить что случилось. Свет в окне здания напротив, бросается в глаза. Я замираю на месте из-за того, что вижу в квартире соседнего здания. Молодая женщина с темными волосами пересекает комнату. Это Марли? Не может быть. Я отхожу к журнальному столику и беру телефон, и листаю адресную книгу. Вот он. Бросая свой телефон вниз, я раздумываю целых десять секунд, прежде чем пройти своими босыми ногами по деревянному полу и выключить настольную лампу, чтобы спрятаться в тени. Каждая этическая кость в моем теле кричит, чтобы я не подходил к окну, она — моя студентка. Но я этого не делаю. По какой — то причине меня заводит тот факт, что она под моим подчинением.

Чтоб его.

Когда я возвращаюсь, Марли лежит на диване с широко расставленными ногами. У меня место в первом ряду на самый ожидаемый показ века. З дание, в котором у нее квартира, стоит достаточно близко, через узкую дорогу, и я ясно вижу, что на ней надето: ничего, за исключением тоненькой футболки и, черт, красных кружевных трусиков.

Она — потрясающая. Ее рука скользит вниз к местечку между ее ног, и моя эрекция усиливается. Я собираюсь к ней присоединиться. Пусть ее красота переведет меня через край. Ее совершенство меня тревожит, и я хочу его выпить. Она — словно шампанское на Новый год, и я хочу, чтобы шипящие пузырьки меня опьянили. Она раздвигает свои длинные ноги еще сильнее, а ее пальцы опускаются под кружево. Молния на моих штанах расстегивается сама собой, я даже не замечаю своих действий.

Я вытаскиваю член, поглаживая своей рукой вдоль по своей тяжелой толщине. Мой мозг одурманен. Я прижимаю лоб к прохладному стеклу окна и глажу свой член.

Она откидывает назад свою голову, и одно мгновение я вижу ее лицо. Е й это нравится, но она заслуживает большего. Я знаю, что мог бы заставить ее кричать и сойти с ума от страсти.

Я быстрее двигаю рукой, когда пытаюсь все получше рассмотреть. Я хочу видеть больше. Увидеть, как выглядит ее киска.

Потирая головку моего члена, я распределяю предсемя по всей поверхности и быстро мастурбирую. Черт, все, о чем я могу думать, это: «Насколько она мокрая? Что она чувствует? Ее киска на вкус такая же сладкая, как ее запах?»

Я хочу почувствовать, как ее раскаленная добела возбужденная теплота взрывается вокруг меня. Это было так давно.

— Бля! — стону я.

Мое тело в огне. Я не могу остановить свое притяжение к ней. Я снова бросаю быстрый взгляд через переулок, в ее окно, в ее квартиру, на ее личную жизнь.

Меня не волнует то, что я во что-то вмешиваюсь. На данный момент, это между нами.

Ни для кого другого. Она думает обо мне?

Она думает о том, как я ее шлепал?

Ее губы раскрываются, когда другая ее рука скользит под футболкой. Я молю богов которых, я знаю, не существуют, чтобы она сняла проклятую вещь.

Я разваливаюсь на части. Мое тело находится на самом пике. Я хочу перейти через край вместе с ней. Я замечаю момент когда она кончает, с ее губ срывается стон, а тело дрожит. И мне едва удается сдержаться, чтобы не ворваться в ее дверь и не заявить права на ее тело.

Мой оргазм настигает меня, когда я представляю под собой ее сладкое тело. Мне необходимо сделать выбор. Я наконец, нашел способ спасти свой разум от вещей, которые медленно убивают любое желание. В этот момент мне хотелось жить полной жизнью. Конечно, неправильно использовать ее таким образом, но меня не волнует это. Должен ли я слушать голос глубоко внутри меня, умоляющим ее трахнуть? Или мне стоит вернуться к прежнему существованию?

## Глава 7

### Марли

Интоксикация (существительное) — состояние опьянения, особенно алкогольного.

Учеба. Т ак много учёбы. А я хочу изучать лишь одно: как его рука контактирует с моей задницей. Или то, как он произносит мое имя, так низко и сексуально. Может быть я скрытая сабмиссив, которая кайфует от власти которую он имеет надо мной? Ч то же мне делать? Я испытываю вожделение к своему преподавателю. Когда на самом деле, у меня нет времени на это. Первый год медшколы был интенсивным, если не сказать больше. Я начинаю задумываться, создана ли я для этого. Я смотрю на бутылку текилы на полке. Текила делает мир лучше.

Нет. Никакой выпивки. Я постукиваю пальцем по губам, раздумывая. Хотя, завтра суббота, и что будет от одной стопки?

Я уверена, что вы думаете, что я какая-нибудь пьяница, которая не может справиться с тягой к выпивке. Но я чертовски усердно работаю изо дня в день, и время от времени заслуживаю перерыв.

Когда я только начала обучение, то никуда не выходила, изолировав себя в четырех стенах. Я до сих пор, все еще в изоляции, у меня нет друзей. Все, что я делаю: работаю и учусь. Так что, одна или две стопки в пятницу вечером не должны быть поводом для беспокойства.

Я — взрослая, черт возьми. И будучи взрослой, я могу делать то, что хочу, без каких — либо осуждений. Кроме того, сегодня день Святого Патрика (Прим. пер.: ирландский праздник, отмечается 17 марта), почему бы мне не выпить, чтобы воспеть своих предков? Доброго утра вам завтра, мисс Мерфи.

Решено. Я хватаю бутылку и рюмку, наполняю ее и выпиваю залпом. Еще одна не повредит, решаю я. Жжение вызывает у меня слезы, но все хорошо. Следующая стопка идет легче, и я хлопаю рюмкой по столешнице, прежде чем врубить музыку и начать танцевать по квартире. Как грустно, что моя пятничная ночь танцев и выпивки проходит в одиночестве. Начинается песня Келли Кларксон, и это заставляет меня думать о Техасе. Что, в свою

очередь, заставляет меня думать о Хьюстоне.

Я должна ему позвонить.

Он явно меня хотел.

Я хватаю телефон, набираю его номер, который я знаю, благодаря тому, что я его ассистент. Гудок, и мое сердце пропускает удар. Снова гудок, и я хихикаю.

— Марли? — отвечает он голосом, который является смесью сексуальной сонливости и хрипоты.

У меня мгновенно пересохло горло.

— Профессор Дейл. Приве — е -ет, — блин, мне стоило лучше продумать слова.

— Марли, ты пьяна?

— Пьяный скунс (Прим. пер.: игра слов, созвучно «Drunk, skun»), — я хихикаю. О да ладно, это было забавно.

— Я сейчас повешу трубку, — говорит он сексуально и мужественно.

Я прохожу по коридору.

— Нет, не уходи.

— Марли, мне утром рано вставать.

Дверь в мою ванную появляется из ниоткуда, и я в нее врезаюсь.

— Ой, черт! — но на этом не заканчивается: я врезаюсь в соседнюю стену, спотыкаюсь об угол половой дорожки и падаю. Ж естко.

— Марли? Ты в порядке?

Телефон выпадает из моей руки и катится по полу, в то время как моя лодыжка пульсирует от боли. Я хватаю телефон и прижимаю к уху.

— Хьюстон, у нас проблема (Прим. пер. — фраза Джеймса Лоуэлла, командира космического корабля «Апполон-13»).

Он вздыхает мне в ухо, и наверное закатывает глаза.

— Никогда не слышал этого раньше.

— Кажется, я вывихнула свою лодыжку. Но я в порядке.

— Я ненадолго зайду. Можешь дойти до двери, чтобы впустить меня?

Мои глаза широко раскрываются. Уже поздно. Я пьяна. Он коснется моей ноги. О, Боже.

— Да, да, я в порядке, правда. Откуда ты знаешь, где я живу?

— Я — твой профессор. Я знаю все.

— Нет, правда, я в порядке. Уверю тебя.

Но он больше не отвечает.

Прыгать к двери — не маленький подвиг. Он быстро сюда добрался. Я открываю дверь, стоя на здоровой ноге, и широко улыбаюсь.

— Счастливого дня Святого Патрика, — говорю я ему.

— О, черт, — он стоит у моей двери, и я осматриваю его голубую рубашку и тренировочные брюки. На нем нет ничего зеленого.

Чтобы устоять на месте на одной ноге, моя рука устремляется к его руке, и я сжимаю его выпуклые мышцы. Он опускает взгляд на мои пальцы, все еще сжатые вокруг его запястья

— Ты не возражаешь? — его сильные руки обнимают меня поднимая на руки, это слегка меня отрезвляет.

Он так хорошо пахнет. Сном, мужчиной, и ноткой мяты. Его волосы взъерошены, а щетина на подбородке щекочет мой лоб.

Он подносит меня к моей мягкой синей кушетке и усаживает на нее.

— Позволь мне посмотреть.

Его искусные пальцы прижимаются к моей чувствительной лодыжке, и хотя мне нравится ощущение его рук на мне, сейчас они причиняет боль. Он находится в режиме «серьезный доктор», и я стараюсь не хихикать над его концентрацией.

— Тебе больно?

Я хочу быть сильной, сказать «нет». Но я этого не делаю. Я говорю правду:

— Да, немного.

Он встает и направляется на мою кухню. Слышу, как открывается и закрывается холодильник. Потом он кричит:

— Где лекарства?

— В шкафчике над раковиной.

Журчит вода, и он возвращается со стаканом воды и льдом.

Он садится, поднимает мою ногу на свои колени, прикладывая лед к лодыжке, беспристрастным прикосновением доктора. Затем он передает мне две таблетки Адвила и стакан воды.

— Вот, это поможет.

Я улыбаюсь.

— Спасибо.

Ох, рыцарь в сияющих доспехах спасает принцессу от большого падения. Но я отбрасываю эту идею. Я — не принцесса, и это, не романтическая сказка. Иначе, он бы меня поцеловал.

Я смотрю на его губы, пока он сосредоточен на моей лодыжке. Мягкие, полные губы. Я хочу, чтобы они были на мне повсюду. Я откидываюсь на кушетке. Меня охватывают смешанные эмоции: я хочу отойти от него и наброситься на него одновременно. Лизать кожу вдоль его шеи. Лишь немного, невинного облизывания.

Он пялится на мою футболку, на слова «Поцелуй меня, я — ирландка», напечатанные зеленым цветом на груди, и улыбается.

— Хорошая футболка.

Я дергаю за материал.

— Спасибо.

Тут он наклоняется, прижимая губы к моим в легком поцелуе. У меня перехватывает дыхание. Отстраняясь, он оценивает мою реакцию, прежде чем обрушиться на мой рот. Все эмоциональное смятение, которое я испытывала, выплескивается из меня в этот поцелуй. Через этот поцелуй, я могу показать ему, как я его хочу. Мой язык проводит по его губам, и он открывается мне.

Его руки взлетают к моим волосам, хватая, сжимая и потягивая за каждую прядь. Я стону в его рот, язык моего тела говорит ему, чтобы он двигался дальше.

Если бы это не было так неправильно, то я бы пригласила его в свою комнату, легла бы на кровать и молила бы его ко мне прикоснуться.

Но Хьюстон разрывает поцелуй, словно может читать мои мысли. Его рука движется вниз к моему подбородку в извиняющемся жесте.

— Мне нужно уйти, прежде чем я не смогу остановиться.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Я хочу умолять его не уходить. Ужасно хотеть что — то, что ты не должен хотеть. «Не останавливайся», «Продолжай» — эти слова, которые я хочу выкрикнуть. Но страх держит мой рот закрытым, а мои глаза широко открытыми от удивления из — за того, как его губы ощущались на моих.

Он целует уголок моего рта, его язык скользит по моей нижней губе.

— Позволь мне уложить тебя в постель.

Очко в его пользу. Я хочу этого. Он выдавливает улыбку видя явное возбуждение на моем лице.

— Чтобы уложить тебя спать.

Он сжимает меня в своих руках и относит в мою комнату.

— Хорошая комната, — говорит он, оглядывая мою коллекцию сумок и медицинских журналов, разбросанных повсюду.

Хьюстон опускает меня на кровать, пушистое пурпурное одеяло охлаждает мою кожу, и мгновение комната вращается. Он укрывает меня одеялом, и поглаживает мою лодыжку через него.

— Приятных снов, Марли.

Глава 8

Хьюстон

18 марта

С приближением даты, я становлюсь безумным человеком. Моих мыслей и действий больше нет, и я больше не могу их контролировать.

Я бросаю свой галстук. Черт, мне сегодня ничего не хочется делать. Прошлой ночью, примчаться к дому Марли — было для меня легким решением. Она была пьяна, ей было больно ... но почему я ее поцеловал? Хороший вопрос.

Ее губы были для меня красноречивее всяких слов, они умоляли ее поцеловать. Я никогда, ничего и никого не хотел больше, чем ее.

Если я не остановлюсь, есть большая вероятность того, что Марли могут выгнать из медицинской школы. М меня это волнует. Почему? Потому что она не похожа на других. Она была силой, возникшей из ниоткуда, побуждавшей меня к действиям. Она являвшейся причиной моего странного поведения.

Я покупаю билет на поезд в Принстон. Я еду к своим родителям. Но боюсь встречаться с ними. Там всегда все происходит одинаково.

Сожаление. Печаль. Боль. Эмоции, от которых мне становится плохо. Эмоции, от которых я бы хотел избавиться. И каждый день я пытаюсь их вытеснить. Кому вообще, нужны чувства?

Поезд приезжает в Принстон, и я беру такси.

— Привет, мама, — приветствую ее, когда вхожу в счастливый дом, в котором я вырос. И снова я ничего не чувствую.

— Привет, — говорит она, сияя и обнимает меня. Я обнимаю ее в ответ.

Отец входит в большой коридор и улыбается. Его фигура сильна, а его темные волосы отражение моих собственных.

— Привет, пап, — говорю я, отпуская маму.

Приезжать сюда было ошибкой.

Не поймите меня неправильно, я люблю своих родителей. Я очень люблю своих родителей, но иногда они просто не понимают меня.

Никто не понимает.

— Ну же, присаживайся, — говорит мама. — Ланч скоро будет готов.

Папа ведет меня в гостиную. Естественный свет просачивается через огромное эркерное окно, и мне нравится веселая атмосфера, которую он создает. Моя мама такая же солнечная, как и эта комната. Ее личность проступает во всей обстановке комнаты: в желтой кушетке, стоящей в центре, в ярком разноцветном ковре, покрывающем паркет, в картинах, бросающихся в глаза из-за ярко — красных и желтых оттенков. И вот стою я, темное грозное облако в ее красочном мире.

Папа опускается в большое коричневое кожаное кресло, и мы проводим время за разговорами о спорте и общением на поверхностные темы, пока нас не прерывает мама:

— Давайте есть, — она улыбается милой улыбкой, которая всегда, когда я был ребенком, позволяла мне чувствовать себя в безопасности. Ее улыбка всегда заставляла меня чувствовать себя лучше: когда я испытывал боль от падения с велосипеда или боялся темноты. Но прямо сейчас, она не оказывает на меня никакого эффекта.

Я следую за отцом в большую кухню. С теклянные вазы со свежими цветами на гранитных столешницах, перемежаются с электроприборами из нержавеющей стали. Теплая и уютная атмосфера — это психологический трюк, который мои родители стараются применить ко мне всякий раз, когда я прихожу в гости.

— Как к тебе относятся в Университете Нью — Йорка? — спрашивает мой отец, отставляя стул, стоящий у дубового кухонного стола.

Садясь, я пожимаю плечами. Солнечные лучи проникают сквозь жалюзи на французских дверях, заставляя меня щуриться.

— Как и всегда.

Конечно же, я не сообщаю своей семье о Марли и о моем сомнительном притяжении к этой девушке.

— Это выглядит великолепно, мама.

Комнату наполняют приглушенные стуки столовых приборов, звуки поглощаемой еды и легких шуток, до тех пор, пока мои вкусовые рецепторы не немеют от следующих слов мамы:

— Я видела Дженнифер, когда она была в гостях у своей семьи. Она говорит, что ты ей не перезваниваешь, — я прекращаю жевать и смотрю на нее. — Я действительно думаю, что тебе стоит поговорить с ней, — она кажется нервной, когда эти слова покидают ее губы. И она должна нервничать.

Мой мозг отключается.

Выражение моего лица становится холодным.

— О'кей, может быть.

На самом деле, я больше никогда не собираюсь звонить ей.

Мы заканчиваем наш ланч, но теперь, он омрачен напряжением, заполняющим воздух. У моих родителей что — то на уме, но они не решаются спросить.

— Просто скажите это, — наконец говорю я.

Они обмениваются взглядами, и ко мне поворачивается мама.

— Мы просто хотим для тебя всего лучшего, — говорит она, ее карие глаза наполнены беспокойством. — Мы хотим, чтобы ты был счастлив.

— Я очень счастлив, — лгу я.

Мне не нужно, чтобы мои мамочка и папочка целовали мои бо — бо. Мне никто не нужен.

Мой отец кашляет, прежде чем заговорить, и вот оно. Я чувствую, как слова прорезаются сквозь меня, даже прежде чем он начинает их произносить. Всегда одно и то же.

— Хьюстон? Почему ты не хочешь ей позвонить?

Я закрываю глаза, желая быть в данный момент в тысячах километров отсюда.

— Я не знаю, — мой обычный ответ при отступлении. Стул бьет по стене, когда я отталкиваюсь от стола. — Мне пора идти.

— Как проходят встречи с психотерапевтом? — спрашивает отец, но я не слушаю, я уже нацелен на входную дверь. Если понадобится, я дойду пешком до проклятого вокзала.

Побег так близок, но отец хватает меня за руку.

— Тебе нужно решить эту проблему. Ты не можешь продолжать в том же духе.

Я останавливаюсь как вкопанный, и поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты издеваешься? Мне не нужно, чтобы ты или кто — либо другой рассказывал, как я должен со всем справляться. Я в порядке, — говорю я низким голосом.

— Я просто думаю...

Я его прерываю:

— Мне все равно, что ты думаешь. Я в порядке.

Моя мать становится между нами, поглаживая меня по руке и пытается остановить поток моих слов.

— Хьюстон, все в порядке. Позволь мне отвезти тебя на станцию. Гарольд, просто оставь это, — умоляет она своего мужа.

— Кэрл, я просто хочу, чтобы он понял, — говорит отец.

Вот оно. Все с ним ясно.

— Понять? Это ты должен понять, — указываю пальцем ему в лицо. — Ты не имеешь ни о чем понятия. Ты думаешь, что можешь прочитать мне лекцию, и все станет лучше? Это так не работает.

Он отступает.

— Тебе нужно двигаться дальше.

— Двигаться дальше? Пошел ты. Ты ничего не знаешь, — я никогда в жизни не разговаривал с отцом таким образом. По выражению, появляющемуся на его лице, понимаю, что эти слова причиняют ему боль. Я качаю головой и сбегая по ступенькам к машине мамы.

Поездка на вокзал проходит в тишине. Мама не дает никаких советов. Когда я выхожу из машины, она меня обнимает и говорит, что любит меня.

— Хьюстон, веди себя мягче с отцом, — говорит она, когда я целую ее в щеку.

— Мама, я просто больше не могу.

Во время поездки домой я думаю лишь о зеленых глазах Марли. Завораживающих и волшебных. Когда я в них смотрю, то полностью теряю себя. И мне нравится быть

потерянным.

## Глава 9

### Марли

Безукоризненный (прилагательное) — употребляется по отношению к внутреннему состоянию человека, или к его внешнему виду; идеально чистый; свободный от греха.

Прошло два дня, а я до сих пор просыпаюсь под впечатлением от поцелуя Хьюстона. Этот поцелуй все для меня изменил. Это был самый потрясающий поцелуй в моей жизни. Теперь я знаю, какие звуки он издает, когда заведен. И интенсивность, с которой он целуется. Знаю взгляд его глаз, когда страсть поглощает его. Я в жопе. Как я смогу это забыть? Как я смогу не хотеть большего?

Я словно упала в кроличью нору, и теперь не знаю, что делать. Иногда я подумываю, верное ли решение приняла, когда решила стать психиатром, ведь даже самой себе не могу сказать, что делать дальше. Я чувствую себя Алисой, блуждающей по альтернативной вселенной. Возможно, по стране чудес, ведь здесь нет логических ответов. Я ищу и ищу ответы, которых не существует. Может быть, так оно и есть. На протяжении долгого времени, я думала о профессоре Дейле, как о недостижимой фантазии, но тот мужчина, который прижался ко мне своим твердым телом, не говоря уже о его твердом члене, был настоящим. Он был полон эмоций и страстно меня желал. Неужели это так неправильно?

Весь вчерашний день я не могла стереть его поцелуй из своей головы. Всю субботу я просидела со льдом, приложенным к лодыжке, и в неистово проносящихся размышлениях о Хьюстоне. Я была немного разочарована тем, что он не позвонил. Сегодня воскресенье, и я решила больше не тратить ни минуты на анализ произошедшего. Это случилось, и это был великолепный поцелуй. Очень, очень великолепный поцелуй. И все! У меня есть более важные дела, кроме размышлений о том, думает ли он тоже обо мне. А именно: стирка.

Я собираю белье для стирки, моя лодыжка болит не очень сильно, ощущается лишь легкий дискомфорт. Когда я добираюсь до прачечной, то конечно же, все стиральные машины неисправны. Решив сходить в прачечную в соседнем квартале, беру сумку с бельем. Оборудование там немного устарело, но ничего не поделаешь.

Найдя пустую стиральную машину в задней части пустой прачечной, бросаю свою сумку на большой складной столик и вытаскиваю свою одежду. С ортирую белье и загружаю первую стирку.

— Марли? — я замираю, когда слышу голос, который постоянно звучит в моей голове.

Поворачиваю к нему голову и улыбаюсь.

— Привет, что ты здесь делаешь? — спрашиваю я. Его руки пусты, так что он здесь явно не из — за стирки. Кроме того, Хьюстон не кажется мне тем человеком, который сам стирает свою одежду. Он слишком безупречен. Я представляю всю его одежду, отсортированную в шкафу по цвету, по бренду и по случаю. Скорее всего, отсортировано по сексуальности. Даже его джинсы и изношенная футболка с изображением группы «Van Halen» (Прим. пер., американская хард — рок — группа) так же сексуальны, как и его деловая одежда для кампуса. Это другая сексуальность, и она мне так же нравится.

Одаривая меня полуулыбкой, он отвечает:

— Сегодня утром я встречался с Анной Томпкинс, чтобы обсудить кое — какие исследования, над которыми она работает. — Ох. Мне приходится обуздывать что — то, что надеюсь, не является ревностью. Кому я вру! Я немного ревную. Анна Томпкинс, профессор микробиологии, и женский вариант Хьюстона. — Мы пили кофе по соседству. Я тебя увидел и решил проверить как твоя лодыжка.

Это мило и все такое, но что насчет поцелуя? Он вообще обо мне не думал? Маленький узел завязывается в моем животе, она его сверстница и идеально подходит для сексуальной связи. Я же — грязная маленькая тайна, и он явно собирается притворяться, что между нами ничего не произошло.

— А, — говорю я, засовываю одежду в машину, — я слышала, что она — выдающаяся личность.

— Так и есть, — говорит позади меня его глубокий голос. — Мне пора идти. Ей нужно было выполнить срочное поручение, а потом я согласился сопровождать ее в библиотеку.

Ну разве это не прекрасно? Ему не нужно с ней прятаться в уголке или чувствовать себя виноватым за пересечение любых границ. Я поворачиваюсь к нему лицом. Его ухмылка исчезает, когда он смотрит на мою руку. Розовые трусики свисают с моих пальцев. Я запихиваю их в кулак и прячу руку за спину.

— Итак, как твоя лодыжка? — спрашивает он.

— Едва болит, — говорю я, возвращаясь к своему белью. Что действительно причиняет боль, так это то, что мы очевидно, будем притворяться что поцелуя не было. Ну, это меня устраивает. В любом случае, это слишком сложно. Знаете что? Да пошло оно все. Я быстро поворачиваюсь, готовая высказать ему в лицо то, что я думаю о случившемся той ночью, с трусиками, все еще зажатыми в моей руке. Но, прежде чем я могу что — либо сделать, он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Позволь мне посмотреть.

Мои глаза расширяются, когда я сжимаю материал в руке.

— Посмотреть на что?

Его рука касается моей шеи и поднимается выше, пальцы зарываются в моих волосах.

— Дай мне взглянуть на мою любимую пару.

У меня пересыхает во рту. Его любимая пара. Признаю, я не могу сказать ему «нет», когда он находится так близко и касается меня.

Он улыбается, когда я достаю из-за спины свою руку с трусиками. Разжимаю пальцы, и он выхватывает трусики с моей ладони.

— Мои, — утверждает он, его глубокий голос понижается на октаву.

— Хм, нет. Хьюстон, — говорю я и разум возвращается постепенно ко мне, протягиваю руку к трусикам, — отдай их мне, и можешь идти.

Выскальзывает кончик его языка, смачивая губы.

— Включи стиральную машину, Марли, — инструктирует он меня, просовывая мои трусики в свой карман. Часть меня думает, что это горячо: мои трусики будут в его кармане, пока он будет заниматься исследованием с Анной Томпкинс. Другая часть боится того, что они выпадут, и каким — то образом все узнают, что они мои. — Включи стиральную машину, — снова требует он, на сей раз хриплым властным голосом. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Показать что? — спрашиваю я, и запускаю стиральную машину. Он подходит очень близко и кончиком носа пробегается по моей шее к ключице, и я оглядываюсь, чтобы

убедиться, что мы одни.

Мы одни. Слава Богу.

Не успеваю перевести взгляд на него, как подхваченная его сильными руками, оказываюсь сидячей на работающей машинке.

— Ты знала о том, что когда эти машины вибрируют, то предоставляют прекрасную стимуляцию твоему клитору?

Он становится между моих ног. Я хочу, чтобы его руки блуждали по всему моему телу, и он удовлетворяет мое желание. Как же хорошо ощущается прикосновение его руки под моей рубашкой.

— Хьюстон. Что ты делаешь? — глубоко вздыхаю я, надеюсь, что он не остановится.

— Рискую своей карьерой, — он хватает мой подбородок, обрушивая свои губы на мой рот.

— Не останавливайся, — стону я.

О, черт! Подо мной мягко качается стиральная машина, посылая вибрацию к моему клитору. Он прав. Это ощущение временно затмевается его теплой рукой, проскальзывающей в мой лифчик. Что если нас кто —нибудь увидит? Что если Анна Томпкинс нас увидит? Мой твердеющий сосок не заботят последствия того, что нас могут поймать. Он хочет, чтобы его сжимали, и он получает то, что хочет.

— Это ощущается хорошо? — спрашивает он, прикусывая мочку моего уха.

— Да, — отвечаю я, наклоня голову, чтобы предоставить ему доступ. Мои ноги сами собой обхватывают его талию, притягивая его ко мне. Теперь моя киска находится на идеальном уровне с его членом.

— Ты знаешь, что это неправильно, — шепчет он мне на ухо.

— Мне все равно, — шепчу я в ответ.

Глупо не беспокоиться. С легкостью отказаться от обучения в медицинской школе при университете ради оргазма? Я знаю ответ, но я все еще это делаю. Все еще трюсь о его член. Все еще страстно его желаю, несмотря на риск. Забавно, как мы можем чего-то хотеть настолько сильно, что отбрасываем каждую унцию восприимчивости. Но и ему не лучше, он может потерять больше чем я, и все же, он все еще скользит пальцем в моих трусиках. Рискует своей карьерой, чтобы пробежаться пальцем по моим обнаженным губкам, окунуть его внутрь. Мы стонем одновременно.

— Черт, ты такая мокрая, — бормочет он мне. — Мне нужно, чтобы мой член был внутри тебя.

Стиральная машина подо мной начинает цикл отжима, и вибрация быстрее подталкивает меня к его руке. Он проскальзывает в меня еще одним пальцем и кусает меня за плечо. Он меня укусил! Черт, это горячо! Я так давно его хотела, что мой оргазм уже надвигается, зарождаюсь в животе. Удовольствие переполняет меня, когда я раскачиваюсь на его руке, а его пальцы набирают скорость.

— Я так близко, — выдавливаю из себя я.

— Я хочу видеть твое лицо, когда заставлю тебя кончить, — он слегка откидывается назад, но его пальцы не замедляются.

Стиральная машина подо мной вибрирует быстрее, и он подводит меня к самому лучшему оргазму, который у меня был за долгое время, да вообще когда —либо.

После того, как он меня нежно целует, я вижу это в его глазах. Сожаление. Нет, не снова! Звонит мой телефон, и я сползаю с машины и ухожу от его смятения.

— Извини, — говорю я, желая залезть внутрь стиральной машины, чтобы избежать этого выражения на его лице. — Я должна ответить, — я указываю на телефон в своей руке.

Он открывает рот, чтобы ответить, но затем его закрывает. Почему мужчины такие трудные? Тот, кто сказал что мужчины говорят то, о чем думают, ошибался.

— Вперед, — наконец говорит он, кивнув в сторону двери. — Мне нужно идти.

И снова я не знаю как реагировать. Он только что трахнул меня своими пальцами, и я не знаю, что делать, кроме как отпустить его. Так что, мне остается только улыбнуться ему и слегка кивнуть в знак согласия. На лице Хьюстона явное облегчение, он неохотно мне улыбается, прежде чем повернуться и уйти.

Меня охватывает печаль.

— Привет, — говорю я в трубку.

— Привет! — говорит Эрик. — Я в городе проездом. Ты должна встретиться со своим братом за кофе.

Он сообщает мне детали, и когда я вешаю трубку, то приходит сообщение:

Профессор Дейл: «Приложи к лодыжке лед».

## Глава 10

Хьюстон

18 марта

Безумие подкрадывается, как призрак в ночи. Мои мысли не принадлежат мне. Дни размываются, и все кажется нереальным. Словно я нахожусь в темном туннеле, а Марли — свет в его конце. Я не могу объяснить острые ощущения которые получаю, когда прикасаюсь к ней. Ту искру, которая загорается, когда я трогаю Марли своими руками.

Я с легкостью преодолел точку не возврата с Марли. Страх потерять работу больше даже не берется в расчет в моей голове. Однако меня беспокоит мысль о том, что она может попасть в неприятности. Мне нужно уйти от нее. Но, могу ли я это сделать? Когда я вышел из прачечной, позвонила Анна Томпкинс чтобы перенести свое исследование на другое время. Меня очень даже устроило то, что она его отменила, хотя я и согласился на ее просьбу, но тратить часы, помогая ей найти то, что ей нужно, — это последнее, что я хотел бы делать.

Когда я возвращаюсь домой, звонит мой телефон, и это моя сестра, Кэти. Я уверен, она звонит, чтобы отчитать на меня за то, как я вчера разговаривал с отцом.

— Я не хочу об этом говорить.

— Эй, я ничего не говорю. Я просто звоню... — она нерешительно продолжает, — потому что я знаю, что тот день приближается.

Мой диван принимает меня в объятия, пока я ее слушаю. Она продолжает, как сломанная пластинка, проигрывающая мелодию, положенную на слова наших родителей.

— Да, — это мой единственный ответ.

— Ты спал? — спрашивает она.

— Да, немного.

— Не лги своей младшей сестре, — она слишком хорошо меня знает. По правде говоря,

я уже долгое время не могу нормально спать. Но я говорю всем то, что как я думаю, они хотят услышать.

— Я сплю уже намного лучше. Я кое-кого встретил, — я качаю головой, удивляясь, как эти слова вылетели из меня. Когда говоришь это вслух, то делаешь это реальным.

— Продолжай, — ее голос становится легче, веселее, пока я размышляю о том, как много ей рассказать.

Я говорю ей, что рядом с Марли я чувствую себя лучше. Что моя голова занята только ею. Как я не могу перестать пялиться на нее. Но я, не рассказываю ей о том, что Марли — моя студентка, и что я, продолжаю от нее убегать. Я так устал убегать.

— Хьюстон, я хочу, чтобы ты был осторожен. Похоже, что ты используешь эту девушку как опору, помогающую отрицать все остальное.

Я сажусь ровнее.

— Кэти, чего ты от меня хочешь?

— Чтобы мой старший брат снова стал собой, — шепчет она в трубку.

— Я больше не знаю, кто тот человек, — этот человек давно ушел. Я быстро оборвал разговор, притворившись, что должен сделать еще один звонок.

На меня давят стены моей квартиры. Мне нужно прогуляться на свежем воздухе.

Сегодня в городе холодно. Ветер проносится по улицам, солнце прячется за высокими зданиями, и я схожу с тротуара, чтобы направиться в никуда. Улицы живые из-за людей и дорожного движения, изредка слышны отчаянные автомобильные звуковые сигналы. Городской шум на время заглушает мои мысли. Но в них снова внедряется Марли. Мои пальцы все еще ощущают, как она сильно их сжимала, пока кончала. Я бы многое отдал, ради возможности погрузиться в ее киску. Она так чертовски мила, когда смотрит на меня своими большими изумленными глазами. Мне неприятно это признавать, но вспоминая о ней, я немного улыбаюсь. Хорошо, что вокруг никого нет, чтобы это увидеть.

А затем моя кровь вскипает. Что за хрень!?

Я заглядываю в окно кофейни «Tasty Bean».

Марли сидит за угловым столиком с каким — то мудаком. Они смеются, сидя близко. Кто он такой, черт возьми? Он наклоняется, обнимает ее за узкие плечи, и она ему это позволяет. Как она могла позволить мне дотрагиваться до себя, а потом пойти куда — то с этим придурком?

В первый раз в жизни, меня охватывает собственнический инстинкт. Она на свидании? Я никогда раньше не видел ее с парнем, и мне не нравится, черт возьми, видеть это сейчас. Он должен убрать от нее свои руки. Я должен встретиться с ней лицом к лицу. Противостоять этому незнакомцу. Тому незнакомцу, который теперь ее обнимает. Но какое у меня есть на это право?

Она выглядит счастливой. Ее длинные темные волосы рассыпаются по лицу, когда он наклоняется, чтобы рассказать ей шутку или что — то еще.

Я сжимаю руки, не желая ничего больше, чем схватить ее и отвести в свою квартиру. Показать ей, что ни один мужчина не сможет удовлетворить ее так, как могу я. Пожилая женщина пробирается мимо меня, пытаюсь войти в кофейню, но я не двигаюсь. Я не могу. Мои ноги приросли к тротуару, пока я за ними наблюдаю.

— Простите меня, сэр, — говорит она.

Наконец, я отхожу освобождая ей проход. Словно у меня трупное окоченение, каждый мускул моего тела напрягается, когда я пытаюсь пройти внутрь.

Нет, моя одержимость ею должна закончиться. То, что я коснулся ее сегодня, должно стать одноразовым суровым испытанием.

Ничего страшного. Ну и что? Я подумался со студенткой. Этого больше никогда не повторится.

Он снова обнимает ее, и я решаю, что пора уходить.

Завтра я удостоверюсь в том, что больше никогда к ней не прикаснусь. Я буду защищать себя.

## Глава 11

### Марли

Грёзы (существительное) — серия приятных мыслей, отвлекающих внимание от настоящего.

Увидеть Эрика было именно тем, что мне было нужно, чтобы перегруппироваться. Я скучаю по своей семье больше, чем думала. Я на время забылась, мы хорошо посидели, посмеялись и я забыла обо всех потрясениях. Но впереди экзамены, к которым надо готовиться. М атериал, который надо изучить. П рофессор, о котором надо перестать фантазировать.

Ну, давай не будем сходить с ума. Он — единственный мужчина, которого я кажется, не могу забыть.

На следующее утро я прихожу на занятия раньше, потому что хочу поговорить с ним наедине. Меня всю ночь беспокоило выражение сожаления на его лице. Я хочу, чтобы он знал, что если чувствует себя виноватым из-за того, что я его студент, или чувствует то, что пользуется мной, то он не должен этого делать. Я полностью осознаю последствия своих действий.

— Доброе утро, — говорю я, подходя к его столу. Сегодня он выглядит необыкновенно красивым в синей рубашке, облегающей его мускулы, и с серо — голубым галстуком.

— Доброе, если ты так говоришь, — резко говорит он. Я останавливаюсь перед его столом. — Мисс Мерфи, это не начальная школа. Идите и найдите свое место, — рявкает он.

О'кей. С начала, такое его отношение, вызывает у меня сомнения относительно того, нужно ли мне вообще пытаться поговорить с ним, но я немного привыкла к переменам его настроения.

— Ну, я хотела поговорить с тобой о вчерашнем.

— А что насчет этого? — он перебирает какие — то бумаги, а затем фокусирует на мне свои глубокие глаза.

— О том, что случилось в прачечной, — говорю я вполголоса. Несмотря на то, что аудитория пуста, я все равно беспокоюсь о том, что кто — тонибудь может услышать наш разговор.

— И? — выражение его лица настолько бесстрастное, что мне кажется, что все те мускулы, о которых он нам постоянно рассказывает, внезапно исчезли с его лица.

— Ну, — начинаю я, потом запинаясь. Затем я продолжаю — Ты и я. — это так неловко.

— Ты и я? Что ты хочешь, чтобы я сказал? — он поднимает брови, а я продолжаю

молчать. — Какой бы ни был образ «и жили они долго и счастливо», который ты себе представила в своей голове, это не входит в мои планы.

Вот вам ребята, от ворот поворот. Он повторяет, чтобы я заняла свое место, и на этот раз я так и делаю. П отому что где — то в моем предательском теле есть гордость, а на переднем плане очень сильное смущение. Но, гнев — сильный соперник, сбивающий их обоих с главного места.

Болтовня наполняет воздух, когда заходят студенты, и я все еще не веря в его пренебрежительное поведение, поднимаюсь по лестнице на свое место. Его глаза смотрят на меня, пока он говорит с классом. В эту игру могут играть двое. Я решаю устроить ему небольшое представление, похожее на то, что мы делали вчера. Я покажу ему то, что он только что отверг. Когда он смотрит на меня, я медленно раздвигаю ноги под столом, открывая ему прекрасный вид на свои красные трусики. Его голос начинает слегка дрожать, но он возобновляет урок, и меня буравят его глаза. Кусая кончик ручки, я двигаю пальцы вверх по бедру, не отрывая от его взгляда, а затем сжимаю ноги. Он резко отворачивается спиной к классу.

— Используйте оставшиеся пятнадцать минут для учебы, — рявкает он, подбегая к своему столу.

Учеба? Да, правильно. Будто я могу на чем — то сосредоточиться. Я плююсь на текст, а мои мысли блуждают... и блуждают.

Урок заканчивается, и я собираю свои вещи и направляюсь к выходу.

— Мисс Мерфи.

Выйдя из толпы уходящих студентов, я смотрю на Хьюстона. Прodelывая путь к его столу, готовлюсь к неизбежному. Он смотрит на меня, не произнося ни слова. Мое сердце колотится, когда его взгляд прожигает меня насквозь. Когда между нами остается единственное пространство — это его стол, я выпаливаю:

— Что, профессор Дейл? У меня еще одно занятие.

К этому моменту в комнате пусто, и он садится прямо на своем кресле, вытягивая ноги.

— У вас невыносимое отношение, — говорит он, его грудь поднимается и быстро опадает.

— Отношение? Что, думаешь ты единственный, кто может приказывать. А я единственная кто будет подчиняться? — спрашиваю я, уверенность так и прет из меня.

— Ох, ты думаешь, что я приказываю? — он откидывается назад в своем кресле, и я решаю, что с меня уже достаточно.

— Сядьте прямо, профессор. Теперь я главная. Я хватаю телескопическую указку с доски, раздвигаю ее делая резкий взмах и громко хлопаю по столу.

Он ухмыляется и подчиняется.

— Извини.

— Именно об этом я думала. Теперь скажи, в чем сегодня твоя проблема? Почему ты такой холодный? — я похожу к нему, разворачивая его кресло. — Встань и наклонись над столом.

— Что? — издевается он.

— Ты будешь меня слушать и сделаешь, как я говорю, — шепчу я ему на ухо, прямо перед тем, как еще раз ударить указкой по столу.

Он удивляет меня, медленно вставая. Он не наклоняется, поэтому я шлепаю его указкой по заднице. Хьюстон рычит, громко. Я провожу указкой по его груди. Моя вторая рука

хватает его за галстук, сжимая его в кулаке, и дергаю рукой, чтобы он был ближе.

— Ты ведь будешь хорошим мальчиком для меня? — спрашиваю я его.

Он тяжело сглатывает, и я облизываю кончик его носа.

— Да, я буду таким, каким ты хочешь меня видеть.

— Очень хорошо, — я не могу поверить, как сильно завожусь.

Отпустив его, я взбираюсь на стол, становясь на четвереньки. Хьюстон глубоко дышит, когда я смотрю на него через плечо.

— Тебе нравится меня шлепать, не так ли?

— Да, — выдыхает он.

— Сделай это. Сделай это сильно, — я поднимаю свою попку в воздух, моя короткая юбка поднимается по коже, обнажая ягодицы. — Сделай это ...

— Мисс Мерфи, у вас был вопрос? — Хьюстон стоит перед классом, скрестив руки на груди. Его темные глаза пялятся на меня. Как и все остальные в этом классе.

— Что? Нет, — бормочу я, мои щеки краснеют.

— Перестаньте мечтать, мисс Мерфи.

Что? Мне нужно время, чтобы осознать, где я нахожусь. Мои мысли отшлепать его указкой исчезают.

— Предполагалось, что вы используете это время, чтобы учиться. А не мечтать, — рявкает он.

Я напрягаюсь на своем стуле. Интересно, я громко стонала?

— Ага, она мечтает обо мне, — говорит рыжеволосый парень, сидящий на несколько рядов выше меня. Мгновение он смеется со своими друзьями, а гнев Хьюстона увеличивается.

— Я не сомневаюсь, что тебе бы это понравилось, — он смотрит на парня, потом снова на меня. — Марли, о ком бы вы ни мечтали, вам нужно прекратить это прямо сейчас. Вы будете мечтать, пока будете оперировать пациента?

— Нет, — отрицаю я.

Ему действительно нужно надавать той указкой по заднице. Если бы я могла его послать, я бы так и сделала. Так как я не настолько храбрая, то тянусь вниз, хватаю свою сумку, собираю свои вещи и ухожу.

## Глава 12

Хьюстон

20 марта

Тяжелый понедельник.

Некоторые дни намного тяжелее, чем в прошлый раз. Я не знаю, смогу ли я продолжать делать это. Внутри меня слишком много гнева, чтобы можно было вынести все.

После долгого дня в Университете Нью — Йорка я направляюсь в убежище своего дома. Мне нужно поразмышлять в тишине и дать выход своему разочарованию с помощью бутылки «Джека Дэниелса».

Я беру хайбол со стола и смотрю, как два кубика льда позвякивают, ударяясь о стекло. (Прим. пер.: хайбол — виски с содовой и льдом, поданное в высоком стакан.) Янтарная жидкость переливается через край, и на мгновение я теряюсь в спокойствии этого движения.

Этот день прошел не так, как я себе представлял. Марли привела меня в бешенство. Меня расстроило то, что во время занятия она мечтала, вероятно, о том засранце, с которым была вчера.

Бля. Выпивая еще один стакан «Джека», я с глухим звуком падаю на кушетку, спиртной напиток проливается на меня. Дерьмо. Мне нужно взять себя в руки. Валять дурака с студенткой, такого никогда не было на повестке дня. Впрочем, именно это и привело меня к этой ситуации. И по какой — то, ни хрена не понятной причине, она сильно все ухудшает.

После нескольких стаканов «Джека» я расхаживаю по своей квартире, подпитывая свой гнев. Да кем Марли себя считает? Это — ее вина. Она соблазнила меня своим сексуальным телом, а я был беспомощным, не мог себя контролировать. Гнев берет надо мной верх, пока я сжимаю обе руки в кулаки. Не позволю ускользнуть ей с ее чарами, которые она пытается на меня наложить.

Каким-то образом, в своем пьяном оцепенении, я добираюсь до ее жилого дома и стучу в ее дверь, пока она ее не открывает.

— Хьюстон? Я... хм, — говорит она, ее волосы спутаны после сна.

Я обрушиваюсь своим ртом на ее губы, чтобы заткнуть ее. Ей не разрешено говорить, пока я не успокоюсь и не буду готов слушать то, что она хочет сказать. А сейчас мне нужна тишина.

Я двигаюсь с ней в гостиную, наши губы все еще соединены. Она сладкая на вкус. Мои руки двигаются в ее шелковистых волосах, пока ее пальцы впиваются мне в спину. Я хочу, чтобы она сильнее впивалась ногтями мне в спину, оставляла на ней кровоточащие полосы и вместе с кровью позволила вырваться всем моим призракам.

Я замечаю ее дикие от желания глаза, когда прерываю поцелуй для того, чтобы сказать ей:

— Больше никогда не дразни меня во время занятий, поняла?

— Никогда не обращай со мной как с второклассной проституткой, и я не буду тебя дразнить, — она меня кусает, резко и сильно.

Ее сердце бьется так же быстро, как и мое.

— Что тебе от меня нужно, Марли?

— Ничего. Я не знаю. Мне не нравится то, как ты со мной сегодня обошелся. Ты обращался со мной как с... — она умолкает.

— Со шлюхой? — заканчиваю за нее я.

— Да.

Сейчас я пьян не из — за алкоголя, а из-за ее дикой красоты. Я подхожу ближе, притягивая ее подбородок ближе к моему рту.

— Ты — моя шлюха, а не чья-то еще.

Ее глаза широко раскрываются из-за моих слов, губы плотно сжаты, а выражение лица наполнено яростью. Она выворачивается из моих рук.

— Ты пьян.

— Нет, — возражаю я.

— На твоём языке чувствуется алкоголь, — она отходит на два шага назад, и я следую за ней. Бесшумно и решительно.

— Итак. Кем был тот мужчина, с которым ты была? — я заранее сержусь из-за того, что она может сказать, и обхватываю пальцами ее тонкую шею.

— Что? — она пытается освободиться, но моя хватка усиливается.

— Тот мужчина из «Tasty Bean», кто он? Ответь мне.

Она смотрит прямо сквозь меня.

— Это был мой брат, Эрик.

Меня омывает чувство облегчения, и я приближаюсь, разжимая руки.

— Я тебя пугаю?

— Прямо сейчас, немного, — она скрещивает руки на груди, и это действие заставляет ее майку натянуться вокруг груди и продемонстрировать ложбинку между ними.

— Хорошо, Марли. Бойся сильнее.

В ее глазах зажигается искра.

— И что ты собираешься делать? — бросает она вызов.

— Испытай меня и узнаешь, — требую я. Все эмоции, которые я так долго сдерживал в себе, пытаются вырваться на свободу.

— Если бы я не знала тебя лучше, то сказала бы, что это звучит так, как будто ты меня хочешь.

— Хочу, — хочу, чтобы она побежала. Чтобы со мной сражалась. Чтобы царапала меня. Чтобы оставила на мне отметины. Чтобы сделала мне больнее, чем я уже сам себе делаю. Чтобы подарила мне новую боль, и я бы знал, что все еще жив. — Помоги мне, Марли.

Ее глаза пробегают по моему лицу, а затем в них начинает мерцать осознание того, что мне нужно от нее прямо сейчас, и она охотно мне это дает.

— Ты уверен?

— Да, — говорю я.

Она облизывает свои губы, в ее глазах вспыхивает решительность. Она думает, что сможет меня вылечить. Она не может. Через несколько секунд Марли слегка кивает, а затем говорит:

— Пошел ты.

И в мгновение ока она от меня убегает. Хорошая девочка. Моя кровь нагревается. Даже наполовину пьяный, я быстрее. Она испускает визг, толкая меня локтем, когда я хватаю ее за талию и перекидываю через плечо. Резких шлепок моей руки по ее заднице заставляет ее царапать мою спину. В этом она идеальна.

Я бросаю ее на кровать после того, как приношу в спальню. Тишину комнаты заполняет наше запыхавшееся дыхание. В ее глазах нет страха, только похоть. Похоть, соответствующая моему страстному желанию. Ее розовые пижамные штаны быстро мной стягиваются.

— Да, — кричит она, когда мой голодный рот приникает к ее покрытой трусиками киске. Мокрый материал движется по моим губам, кружево щекочет мой подбородок, когда я подталкиваю свое лицо еще глубже, а мои пальцы сжимают ее бедра.

Ее руки быстро движутся к моим волосам, и она сильно за них дергает. Достаточно сильно, чтобы это причиняло острую боль, и это так чертовски хорошо. Именно это мне и нужно.

— Подари мне свою ненависть, Марли, — рычу я в ее киску. — Покажи мне, как сильно ты меня ненавидишь, — она не может ненавидеть меня больше, чем я сам себя ненавижу.

Садясь прямо, я провожу пальцами по контуру ее бедер, и когда достигаю черного кружева ее трусиков, то сдергиваю их, скользя по ее гладким ногам. Ее тело выгибается подо

многой, когда она сжимает ноги.

— Не прячься от меня.

— Хочешь большего? — шепчет она, отсутствие трусиков делает этот вопрос таким чертовски сексуальным.

— Дай это мне, — отвечаю я. — Сопротивляйся.

— Не говорите мне, что делать, — ее маленькая нога ложится мне на грудную клетку, отпихивая меня назад. Она отползает от меня, но я все же быстрее. Хватая ее за лодыжку, дергаю ее назад и широко раздвигаю ее ноги.

— Раскрыта для меня.

— Черт, это так горячо, — говорит она.

Ее киска блестит от возбуждения. Она идеальная ученица для этого «испорченного» урока, именно то, что мне прямо сейчас от нее и нужно. Марли протягивает руку, чтобы погладить мой член, и моя голова откидывается назад, когда я издаю стон.

Она знает, как свести меня с ума. Как подтолкнуть меня к краю, а затем удержать меня от падения. Отодвигая ее руку, я ищу прибежище, которое мне может предложить лишь она. Момент передышки, когда мне не нужно думать о том аде, которым была моя жизнь. Единственное, что сейчас имеет значение, это заставить ее кончить на мой язык.

Скользя вниз по ее ногам, я прикусываю внутреннюю сторону ее бедра, а затем упиваюсь ее влажностью, когда она кричит, моля меня о большем. Мой язык окунается в нее, и мне чертовски нравится то, как она бросает свои ноги мне на плечи, как трется своим влагалищем о мое лицо, когда мои руки скользят вниз, чтобы обхватить ей задницу.

— О, бля, Хьюстон, не останавливайся, — вопит она. Я и не планирую. Обводя ее клитор своим языком, я провожу пальцем по ее киске, затем ввожу его внутрь, заставляя ее извиваться еще быстрее.

Ногти Марли впиваются в кожу моей головы, когда ее тело теряет контроль, а мой язык покрывает вкус ее оргазма. Как только ее тело успокаивается, я поднимаюсь.

В течение секунды мой член оказывается у меня в руках, которые жестко его обхватывают и двигаются по нему вверх вниз, пока она за мной наблюдает.

— Ты делаешь меня таким чертовски твердым, Марли, — стону я, пока ее глаза смотрят на мою руку, сжимающую член.

Своей свободной рукой я поднимаю майку девушки и хватаю ее за грудь. Ее соски как камушки, из-за чего я стискиваю зубы.

В тот момент, когда оргазм овладевает моим телом, я закрываю глаза.

— Блядь, детка. Я собираюсь кончить на тебя.

— Сделай это, — умоляет она.

Поднявшись выше, так чтобы мой член был расположен прямо над ее сиськами, я пристально смотрю ей в глаза. Она кусает губы, и это меня уничтожает. Меня пронзает оргазм, а мое освобождение оказывается прямо на ее округлой груди. Она стонет, ее руки размазывают сперму по соскам. Так чертовски горячо.

Как только мой оргазм исчезает, Марли улыбается, а я отворачиваюсь. Я не могу смотреть на ее милую улыбку.

— Чёрт! — бормочу я, вина ударяя меня с такой силой, что я больше не могу от нее скрываться.

Спрятав член в штаны, я слезаю с кровати и выхожу из спальни.

— Хьюстон? — кричит Марли, позади меня.

Когда я иду через гостиную к входной двери, она хватается меня за руку.  
— Поговори со мной, — умоляет она. — Что это было?  
— Это была огромная ошибка, — говорю я, хлопнув дверью позади себя.

## Глава 13

### Марли

Делирий (существительное) — дикое волнение или экстаз.

Что, черт возьми, только что произошло? Я плюхаюсь на кушетку, испуская вздох, и пробегаюсь руками по волосам. У этого человека серьезные проблемы. Чтобы это понять, необязательно быть профессиональным психологом. Он заставляет меня кончить, и в следующую минуту хлопает дверью перед моим лицом. Наверное, я одна из его проблем. Я позволила этому случаться.

Ну, с меня хватит. Это его «сближение и отталкивание» тянулось слишком долго. Так что я решила сделать то, что должна была сделать, когда он сюда пришел. Я собираюсь ему противостоять. Я быстро надеваю штаны для йоги и толстовку, натягиваю кроссовки и выхожу на улицу. Пока иду по улице, нахожу его адрес в адресной книжке моего телефона. Ой. Ну, это не займёт много времени, он живет рядом, в соседнем здании. Решительно пересекаю фойе с мраморным полом и нажимаю на лифте кнопку второго этажа. Поехали. Лифт останавливается, двери открываются, я ... хватаюсь за поручень, жду когда двери закроются. И еду обратно вниз. Я не говорила, что будет легко ему противостоять. По крайней мере, я прилагаю усилия, пытаюсь относиться к этому серьезно, как взрослая. Чего я не могу сказать про него. Двери лифта открываются, и я опять нажимаю кнопку второго этажа и снова еду вверх. Бля ... Я снова еду вниз. Возможно, завтра я буду взрослой. Когда двери открываются, Хьюстон стоит передо мной.

— Что ты делаешь, Марли? — спрашивает он, сдерживая улыбку.

— Почему ты в фойе, а не в своей квартире?

Он поднимает вверх стопку белых конвертов.

— Проверяю почту. А теперь скажи, что делаешь ты, Марли?

Вся моя храбрость испаряется, когда я выхожу.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, последние пять минут я смотрю на то, как ты едешь на лифте вверх — вниз, — а затем это происходит. Меня одаривают настоящей улыбкой, и это ослепительно.

— Ты только что использовал пять мышц, — шепчу я. — Я не думала, что твои мышцы работают в полную силу.

А затем происходит кое-что еще. Он смеется. Ну, это больше походит на хихиканье, но трансформация потрясающая. Я никогда раньше не слышала, чтобы он смеялся. Что происходит в его великолепной голове и заставляет его закрываться от людей?

Прокручивая в голове нашу поездку в Чикаго, я вспоминаю его кошмарный сон и ужас в его глазах. Каких демонов он скрывает под своей холодной внешностью?

— Они немного заржавели, — говорит он. — Почему ты катаешься на моем лифте Марли? — его голос понижается, — я ведь не сделал тебе больно, не так ли?

И тогда я даю самый честный ответ, на который способна:

— Не физически.

— Чёрт, извини, — он смотрит в потолок, ненадолго прикрывает глаза, а потом его взгляд снова оказываются на мне. — Я не должен был использовать тебя. Я пил и...

— Остановись, — прерываю его я. — Больше никаких оправданий, ладно? Ты должен мне сказать, чего именно ты от меня хочешь, потому что эти метания туда — сюда сильно действуют мне на нервы.

Он нажимает кнопку вызова лифта и когда двери открываются, сопровождает меня внутрь.

— Пойдем в мою квартиру и поговорим наедине.

— Ладно, но просто, чтоб ты знал, — говорю я ему во время короткой поездки, — на этот раз я не позволю тебе сбежать.

Двери открываются.

— Заметано, — говорит он, когда мы идем по коридору к его квартире.

Когда он впускает меня внутрь, меня не удивляет то, что я вижу. Его квартира лишена индивидуальности, в ней отсутствует какой — либо декор, делающий обстановку более теплой, нет картин, висящих на стенах. Она большая, просторная и безупречно чистая.

Хьюстон указывает на кожаный диван, кидая свою почту в квадратную белую коробку на столе, и я качаю головой.

— Слушай, я еще не поняла что между нами происходит, — я делаю паузу, — но ты сказал, что это ошибка. А мне не нравится, когда меня называют ошибкой.

Он трет рукой свой подбородок. Очевидно, что своей прямоотой я причиняю ему неудобство.

— Марли, я не собираюсь ходить вокруг да около. Я — не обычный человек, я не могу дать тебе то, чего ты хочешь.

Мои глаза суживаются.

— А что, по — твоему я хочу?

— Я не знаю. Свиданий? Того, что нужно девушке? — он покачал головой. — Я — твой чертов профессор, Марли. Я не могу заниматься с тобой такими вещами.

— Я знаю, — я смотрю вниз на дубовый пол и снова подхожу к нему. — Но я, никогда не говорила, что мне нужно именно это.

— В конце концов, ты этого захочешь, — его зубы скользят по нижней губе. — Каким-то образом ты проникла в мою голову, — он подходит немного ближе. — Ты чертовски сильно сводишь меня с ума от похоти, но я не могу предложить тебе что — то большее, лишь секс.

Похоть. Мне он нравится. Он испытывает ко мне лишь похоть. А в центре всего этого — жестокое разочарование.

— Ты имеешь в виду, что с твоей стороны — никаких обязательств? — у меня все переворачивается в животе. Я не та девушка, которая занимается сексом без обязательств. Даже с самой большой натяжкой. В каждом сексуальных отношениях у меня было достаточно связующих нитей, что из них можно было сплести веревку. Он прав, я обязательно захочу большего. Именно так устроено большинство девушек, неспособных отделить акт «траха» от «занятий любовью». И тогда мой мозг делает эту забавную вещь: быстро начинает обрабатывать информацию, чтобы в любом случае заставить такие отношения работать. Он находит все возможные инструменты для позитивного ответа, обрабатывая предложение Хьюстона.

Ну, это сработает, потому что у меня действительно нет времени на что — то большее.

Может быть, пришло время вырасти и перестать приравнивать секс к любви.

Его шлепки снимают у меня избыточное напряжение.

Он горячий.

Он один из самых умных людей в своей области, и это сексуально.

У него волшебный смех.

Тишина заполняет комнату, пока мы пялимся друг на друга. Я поворачиваюсь, и прежде, чем выйти, говорю:

— Я об этом подумаю.

На следующее утро я делаю невозможное: пропускаю занятия и отправляюсь прогуляться вниз по оживленным улицам Мюррей — Хилл. Я мало куда выходила, с тех пор как переехала сюда, и хорошая погода вызывает желание исследовать город. Просто провести время в городе — это волнующе.

Мне бросается в глаза книжный магазин, и я пересекаю улицу, чтобы зайти внутрь. Колокольчик звенит, когда я переступаю через порог, и мой нос щекочет запах новых книг.

— Привет, дорогая, — говорит старая седовласая продавщица. У нее яркая и заразительная улыбка, которая заставляет меня чувствовать себя не такой одинокой.

— Привет, — отвечаю я, разглядывая раздел романов. Практически на всех обложках — полуобнаженные мужчины.

Ух ты, столько «Rectus abdominus», если говорить анатомическими терминами (Прим. пер., прямая мышца живота (rectus abdominis) — это длинная лентовидная плоская мышца, которая проходит с обеих сторон по передней стенке живота). Понимаете, рассматривать книги на полке с романами — словно находиться на занятии.

Мой интерес привлекает одна книга, и я беру ее с полки. На обложке молодая женщина и мужчина постарше в расстегнутой рубашке, его брюшные мышцы выставлены на обозрение. У него даже имеются неплохо выраженные косые мышцы. Неплохой «учебный материал». Этот герой вызывает ассоциации с Хьюстоном. Он старше меня. Его тридцать два к моим двадцати четырем. Читаю краткую аннотацию к книге...

Я думала, что смогу его приручить. Я была права.

Он дикий и необузданный, как горы, в которых живет. Когда он меня похищает, то я делаю все возможное, чтобы сбежать.

Одно прикосновение к ее телу и я знал, что должен был иметь ее. Она не может убежать от меня. Она моя.

О, мой... Я снова думаю о руках Хьюстона. Хочу ли я продолжать позволять ему ко мне прикасаться?

Я действительно этого хочу. Но мне нравятся обязательства. Они заставляют меня чувствовать связь. И мне нравится Хьюстон. Часть меня, которая до сих пор верит в сказки, хочет выстроить нормальные отношения с ним. Эта часть меня, хочет большего.

Но он говорит, что неспособен на это. Итак, я это делаю? Я усмехаюсь, еще раз взглянув на обложку книги. Думаю, я уже слишком сильно в нем увязла. Если Хьюстон на данный момент, не хочет никаких обязательств, я дам ему все, что он захочет, и буду надеяться, что мое сердце сможет справиться с последствиями.

После покупки книги «Похищенная горцем» я выхожу из магазина и брожу по городу до

самого вечера. Я много размышляю о своей жизни. Довольна ли я тем, как идут дела? По большей части — да. Я живу в одном из самых больших городов мира, постепенно иду к своим целям, и стараюсь изо всех сил не влюбиться в одного из самых сложных мужчин, которых когда-либо знала.

## Глава 14

Хьюстон

21 марта

Чем больше времени я провожу рядом с Марли, тем лучше себя чувствую. Но я не могу предложить ей весь свой мир, лишь небольшую его часть.

Мои ноги по их собственному желанию движутся к ее квартире. Даже не помню как сюда добрался, но вот он я, стою у ее порога. Сегодня ее не было, и мне не понравилась мысль о том, что она может не вернуться.

Она открывает дверь, и у меня перехватывает дыхание.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

— Я здесь, чтобы помочь тебе решить.

— Хорошо, — шепчет она. — Я решила. Да.

— Марли, ты уверена? — мне нужно, чтобы она была уверена.

Она кивает, проводя языком по своей нижней губе. Она даже не понимает, насколько соблазнительно это движение. И мне так сильно хочется всосать в свой рот ее губу.

Я поднимаю ее, ее ноги инстинктивно обхватывают мою талию, и я стремительно проношусь по коридору. Открываю дверь в спальню, бросаю Марли на кровать и встаю над ней. Ее ноги раскинуты, их длины как раз хватит чтобы обхватить мою талию.

— Хьюстон? Должны ли мы...

Положив палец на ее губы, я останавливаю ее прежде чем она сможет продолжить. Ее полные губы изгибаются в улыбке, когда я опускаюсь на колени перед кроватью, чтобы заботливо и аккуратно снять с ее ног каждую туфлю, а затемдвигаюсь вверх к ее юбке и спускаю ее по длинным ногам Марли.

Она — секс и сладость, все это завернутое в милую небольшую упаковку, и я хочу не спеша ее снять.

Как только она оказывается полностью обнаженной, я отстраняюсь и осматриваю ее тело, прежде чем снять свою одежду. От нее захватывает дух. Какой ее части мне хочется коснуться сначала? Ее губ? Ее груди? Ее киски? Я хочу всю ее, как совершенно безумный душевнобольной, свободный от ограничений своей личной агонии.

Мне нужно освобождение. Матрас прогибается под моим весом, и я оставляю языком след на ее загорелом животе. Ее кожа как шелк.

— Чёрт, ты такая вкусная, — говорю я, помещая лицо в ложбинку между ее грудей. Вдыхаю аромат ее груди, а затем всасываю один сосок в свой голодный рот, зажимая его между зубами. Она вскрикивает, и я облизываю место укуса. Бедра Марли трутся об меня, и я сажусь, чуть поглаживая свой член, и опять осматриваю ее.

— Ты так прекрасна, — говорю я, садясь над ее полной грудью и провожу между

округлостями головкой своего члена. Желание наполняет ее глаза, и она сжимает груди вместе, захватывая мой член в плен. О, черт! Марли наклоняет голову вперед, чтобы лизать головку, когда я начинаю двигаться между ее грудями. Моя голова откидывается назад, а пресс сжимается от усилий, чтобы не кончить ей на лицо. Когда мои яйца становятся тяжелыми от нужды, я тянусь к джинсам и достаю презерватив из кармана.

— Хьюстон, пожалуйста.

Не нужно просить, это произойдет без ее просьбы, и я улыбаюсь, когда вижу, что она не отрываясь смотрит на мой член, пока я раскатываю по нему презерватив.

— Ты этого хочешь? — спрашиваю я, указывая на член в моих руках.

Ее язык двигается по нижней губе, медленно, очень долго. Так чертовски сексуально.

Я прижимаю головку члена к ее входу и улавливаю ошарашенное выражение ее лица. Я хмурюсь, очарованный эмоциями в ее глазах: невинностью, красотой, интеллектом и намеком на веселье, что нахожу неотразимым.

Я должен помнить, это просто трах, ничего больше. В тот момент, когда этот факт полностью укореняется в моем мозгу, я с силой в нее проникаю, и она стонет. Бляяя. Как же давно это было, и она так хорошо ощущается. Узкая. Горячая.

— О Б оже, Хьюстон, — стонет она, когда я безжалостно набираю обороты. Каждый толчок более мощный, чем предыдущий. Она цепляется за меня, пока я погружаюсь глубоко в ее киску. Если бы я мог трахнуть ее достаточно сильно, достаточно грубо, то возможно на одну проклятую минуту, я смог бы забыть свое прошлое.

Сжимаю в руках ее каштановые волосы.

Мой темп нарастает, моя скорость зашкаливает. Я чувствую себя, как чертово животное в огне. Она дергается подо мной, когда я трахаю языком ее рот. Боже, на вкус она как вишня со сливками. Меня посещает мысль о том, что я трахаю свою студентку, но ее сразу же отгоняют демоны, находящиеся глубоко внутри.

— Проклятье, ты такая тугая.

— Хьюстон, я кончаю.

— Правильно, детка. Кончи на мой член.

Мой собственный оргазм не за горами, и я хочу продержаться немного дольше. Никогда не хочу прекращать трахать эту девушку. Видения ее, соблазняющей и дразнящей меня каждый день на уроках, вспыхивают в моей голове, когда я с силой в нее проникаю, очень глубоко.

Ее тело дрожит, когда ее потрясают первые признаки оргазма. Прикрыв глаза, я слегка отстраняюсь, чтобы поймать ее губы когда она стонет. Ее спина выгнута над кроватью, а ее ногти глубоко впились мне в спину, и я точно знаю — она оставила следы.

— Черт, да, — мне это нужно, мой личный порок, избавляющий от боли последних двух лет.

— Хьюстон, о Боже, — стонет она, ее глаза крепко сжимаются.

— Верно, детка, кончи вокруг меня.

В тот момент, когда ее тугая маленькая киска сжимается вокруг моего члена, меня пронзает собственное освобождение. Я не могу это контролировать. Не могу больше его сдерживать. Ее оргазм заставляет взорваться и меня.

Когда мы оба обрушиваемся на кровать, то лежим там некоторое время. Она обвивает меня своими руками, и мой мозг заполняется тьмой, которая там находится.

Она слегка вздыхает от удовольствия, а я пытаюсь расслабиться. Я целую ее в макушку,

а затем откатываюсь и встаю, чтобы привести себя в порядок.

Когда возвращаюсь в спальню, она крепко спит. Я долго наблюдаю за тем, как с каждым вздохом поднимается и опадает ее грудь. Прислоняясь к дверному косяку, я скрещиваю руки и жалею, что не могу дать ей то, что она заслуживает.

Счастливую жизнь.

Я не могу быть тем мужчиной, который может сделать ее счастливой.

Это не про меня.

## Глава 15

### Марли

Эвристический (прилагательное) — фактор позволяющий человеку обнаружить или узнать что — то для себя.

Когда я просыпаюсь, и потягиваюсь своим чувствительным после прошлой ночи телом, пустое место в моей кровати не удивляет меня. Именно это и подразумевают, отношения без каких-либо обязательств. Никогда даже в своих самых смелых фантазиях я не представляла, что мы с Хьюстоном займемся сексом. Хорошо, может быть, и представляла в своих самых смелых мечтах, но не думала, что это произойдет на самом деле. Это был самый удивительный секс, который у меня когда-либо был. Мое тело реагировало на его прикосновения с нуждой, с жадой. Он двигался с таким умением, со знанием. Было ясно, что он не только знал, что делает, но и хотел этого. И он хотел меня. И, черт, это было чертовски горячо.

Я не могу вспомнить, чтобы когда-либо после секса мое тело было таким расслабленным, я быстро заснула. Я не знаю, сколько времени Хьюстон оставался здесь, но учитывая тот факт, что сегодня утром есть занятия, я не удивлена тем, что его здесь нет.

Занятия. Я в панике вздрагиваю. «О, бля», — шепчу я себе. Я не закончила свое задание по анатомии.

После того, как быстро приняла душ и оделась, и да, потратив немного больше времени чем обычно на свою прическу и макияж, я решила, что так и скажу Хьюстону, почему я не сделала свое задание: мы с ним трахались. Обычно такого со мной не происходит, я очень старательная.

Впервые, я действительно рада тому, что мой преподаватель — Хьюстон.

Когда я приезжаю к зданию, где проходят мои занятия по анатомии, то бросаюсь в аудиторию, надеясь на то, что буду первой и смогу без посторонних ушей рассказать Хьюстону, почему я не выполнила задание. Какое облегчение — в аудитории никого нет. Хьюстон стоит ко мне спиной и пишет на доске. Прошлой ночью мои ногти царапали эту мускулистую спину. Я поняла, что Хьюстон любит немного грубости во время секса, и была слегка шокирована тем, что и мне это нравится.

— Доброе утро, Хьюстон, — говорю я с улыбкой.

Он поворачивается вокруг, хмуро осматривая меня сверху и вниз, прежде чем скрестить руки на груди. Я не ожидала такой реакции. Но он никогда не реагирует на что — то так, как я ожидаю.

Я подхожу ближе.

— Прошлой ночью я не смогла выполнить задание, но завтра я его тебе принесу с самого утра, — я заправляю волосы за ухо.

— Не беспокойтесь, я уже поставил оценку — двойку.

Проходит несколько секунд, пока я осознаю его слова.

— Что? Ты знаешь, почему я не выполнила задание, Хьюстон, — с недоверием говорю я.

— Профессор Дейл, — напоминает он мне. — Я не знаю, почему вы его не выполнили, мисс Мерфи, и честно говоря, мне на это плевать. Присаживайтесь, — приказывает он, прежде чем посмотреть на бумаги на столе.

Учитывая тот факт, что теперь он — мой любовник «без обязательств», от его слов я закипаю:

— Я не могу получить двойку, — заявляю я.

Он смотрит на меня, и я вижу вспышку чего — то в его глазах, что быстро исчезает.

— Так скажите мне, какую оценку вам поставить, мисс Мерфи?

Мы бьемся взглядами.

— Я говорю Вам о том, что из-за непредвиденных обстоятельств мое задание не было выполнено. И я не могу получить два.

Он кивает.

— Да, вы мне говорите, — он выгибает бровь, глядя на меня. — Вы должны понимать, что здесь, к вам не будет особого отношения. Почему бы тебе не перефразировать свою просьбу, прежде чем я отшлепаю твою хорошенькую задницу?

Ну, так бы и сразу сказал.

— Профессор Дейл, не будете ли вы так любезны, не ставить мне два, и позвольте мне принести вам мое задание завтра? — о, он улыбается. Типа того. Но и этого достаточно, чтобы мое сердце забилося о грудную клетку, сдерживающую его.

— Хорошая девочка, — говорит он. Дверь открывается, и момент рассеивается. — Присаживайтесь.

Когда я сажусь на свое место, мой телефон вибрирует. Я вытаскиваю его из сумки и читаю текст:

«Думаю, я все равно тебя отшлепаю сегодня вечером»

Последние несколько недель были захватывающими и веселыми. Вы слышали меня правильно, было весело. Нахождение с Хьюстоном, снимает весь стресс, получаемый мной в медицинской школе.

Большинство ночей, на прошедших весенних каникулах, мы проводили за диким сексом при лунном свете. Когда снова начались занятия, мой мозг все еще отдыхал на каникулах.

Мне нужно больше Хьюстона. У нас были прекрасные отношения без обязательств, но были моменты, когда я мельком улавливала что — то еще: его ласки и тоскливый взгляд. Или, возможно я принимаю желаемое за действительное. Тсс, я обещаю, что не собираюсь испытывать более глубокие чувства к этому мужчине.

Сидя в тихом уголке библиотеки, я просматриваю свои записи. Мой стол завален документами, и я выделяю вопросы для осмотра пациента, над которыми работаю.

Стул рядом со мной скользит по полу, и я смотрю как садится Хьюстон.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я. Очевидно, я стала параноиком относительно тайны наших отношений.

— Увидел тебя, — говорит он, наклоняясь, чтобы посмотреть мои документы, — и подумал, что нужно посмотреть, как ты справляешься с заданием, которое я раздал.

Я закатываю глаза.

— Ну, ты мог бы подобрать что-нибудь полегче. Но думаю, что почти закончила.

На нас смотрят несколько человек, но я не замечаю ничего тревожного. В конце концов, я его ассистент, и мы не делаем ничего плохого.

Хьюстон откидывается на стуле, на его лице играет улыбка.

— Позволь мне их просмотреть.

Я наклоняю голову.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Что? Мои вопросы к пациенту?

Он задал нам проект, который включает несколько стадий. Нужно разработать комплексное исследование конкретного пациента, сформировать список вопросов, успешно поставить диагноз. После того как я целый день провела в библиотеке, у меня болят глаза от напряжения.

Я улыбаюсь, наклоняюсь и шепчу:

— Ты действительно хочешь, чтобы я задала уточняющие вопросы?

— Конечно, я буду пациентом Х. Спрашивай, — он устраивается поудобнее, наклоняясь ближе ко мне. Его голос звучит громко, а мы в библиотеке, и я инстинктивно его успокаиваю:

— Тссс. Хорошо, я задам тебе свои вопросы.

Он вскидывает бровь.

— Ты снова на меня шикнула? Вы же знаете, что я думаю по этому поводу, мисс Мерфи.

Я постукиваю кончиком ручки по своему учебнику.

— Да, я знаю, но тебе нужен урок библиотечного этикета, — на его лице отражается веселье. — Вот так надо разговаривать в библиотеке, — говорю я ему, понижая голос, — а не так, — говорю я, повышая тон голоса. Улыбка освещает его лицо. — Хорошо, ты готов?

Он наклоняется вперед, придвигаясь ко мне намного ближе, чем следовало делать это на публике.

— Готов, — шепчет он.

Его шепот посылает дрожь по моему позвоночнику, и я отгоняю эти ощущения, когда хватаю бумаги, лежащие передо мной.

— Вопрос первый: ваше полное имя и дата рождения.

— Пропустим эти вопросы. Доберитесь до действительно существенного.

Он снова говорит громко, и я оглядываю библиотеку, но никто не обращает на нас никакого внимания.

Я выдыхаю. Читаю следующий вопрос, и мои глаза расширяются. Я не могу спросить его об этом. Бля.

— Гм, у вас есть трудности с мочеиспусканием? — мое лицо становится ярко — красным, я просто это знаю. Я даже не могу смотреть ему в глаза.

Он смеется, и этот богатый звук — это нечто особенное.

— Нет.

Сосредоточиваясь на страницах в моей руке, я прочищаю горло. О, Боже, кто написал эти вопросы. О правильно, это же сделала я. Мне следовало бы лучше их продумать.

— Вы сексуально активны?

Он снова улыбается и тихим голосом произносит:

— Да, но только недавно.

Я прочищаю горло. Мои щеки горят.

— У вас есть какие-то трудности с... — бля, как я могла написать эти вопросы, — с тем, чтобы ваш пенис ... гм ...

Он вклинивается:

— Да, мисс Мерфи? Есть ли у меня какие — либо трудности с тем, чтобы мой член ... что? — он двигает бровями и насмехается надо мной.

У меня все вылетает из головы. Мои глаза не могут даже сосредоточиться на странице передо мной.

— Вставал, — выпаливаю я.

Он смеется, а потом сам на меня шикает.

— О, Марли, ты за это заплатишь.

— «Эрекция», я имела виду, есть ли у вас эрекция, — этот опрос — катастрофа. — Простите, профессор.

Он протягивает руку через небольшой стол и проводит по моей ладони.

— Все нормально. Есть еще вопросы?

Я чувствую себя побежденной.

— Нет, — как я могу спрашивать его об этих ужасных вещах.

— Диагноз? — спрашивает он.

Я улыбаюсь.

— Сексуальное возбуждение.

— Очень сильное. Как бы ты это лечила?

Я наклоняюсь ближе, поднося кончик моего карандаша к его руке.

— Я могу показать тебе сегодня вечером.

Он рычит, низко и глубоко.

— Буду ждать.

Я улыбаюсь, делая глубокий вдох.

— Хорошо, мне это нравится.

— Привет, доктор Дейл, — говорит, проходящий мимо нашего стола студент.

Хьюстон выпрямляется и откидывается назад на своем стуле.

— Хорошо, мисс Мерфи. Продолжайте, — он подмигивает мне когда уходит. Пытаясь преодолеть смущение, я продолжаю учиться до вечера. Я не забыла, что у нас нет специальных отношений. И я никогда не ожидала, что будет такое.

Несколько часов спустя я проснулась, лежа лицом на куче бумаг. Меня кто-то тронул за руку.

— Марли. Марли, — голос Хьюстона звучит издалека, когда он пытается заставить меня сесть. Складывает в мою сумку вещи, лежащие на столе, пока я встаю и потягиваюсь. Когда он проводит меня через парадную дверь, я понимаю что уже поздно и библиотека пуста.

— Не могу поверить, что я заснула, — я ужасно устала. Он ведет меня к ожидающему «Уберу», открывает дверь, и я сажусь на заднее сиденье. (Прим. пер., Uber, международный сервис для заказа такси через телефонное приложение с низкими ценами.) Он обходит машину и через другую дверь садиться рядом со мной.

— Иди сюда, — говорит он, проводя рукой по спинке сиденья. Я откидываюсь ему на

грудь и закрываю глаза.

— Марли? — Хьюстон выносит меня из машины на своих сильных руках. Он заносит меня в мой дом и в лифт. Я так устала, что едва могу понять то, что происходит. С тех пор, как мы с Хьюстоном пришли к соглашению, все мои дни и ночи разрываются по швам. Именно сон мне пришлось принести в жертву.

Он ставит меня у моей двери, и я склоняю голову к прохладному бетону стены. Хьюстон выуживает мои ключи, открывает замок и помогает мне зайти внутрь.

За последние несколько недель мы много раз занимались сексом, но Хьюстон, укладывающий меня спать — это что — то новое. Я почти хочу попросить его остаться. Но, не буду этого делать.

Он помогает мне лечь в постель, целует в макушку, затем стягивает мои туфли.

— Спокойной ночи, Марли. Спокойной ночи.

## Глава 16

Хьюстон

10 апреля

Отношения «без каких либо обязательств» должны были быть легкими. Нет обязательств — нет чувств. Правильно? Разве не так все должно работать? Так почему все сложно? Почему я так себя чувствую?

Мои дни состоят из бесконечных поручений и бесполезной работы, а заканчиваются в месте, где я хочу быть. Вечером я стучу в дверь Марли.

Она задерживает дыхание, когда отходит в сторону впуская меня. Ее тело взывает ко мне, и я хочу ему подчиниться. Я хочу прикоснуться к ней так, как не касался никого раньше. Я нуждаюсь в этом освобождении.

Сдерживаемые мной эмоции напрямую связаны с потребностью моего тела в оргазме.

Это похоже на боевые действия между моим разумом и членом. Удовольствие, которое я в ней ищу, должно быть просто... удовольствием. И больше ничем.

Она чистая и здравомыслящая. И нет ничего больше того, что я хочу развратить ее, заставить покориться моей воле и обучить ее искусству удовлетворения меня.

Я хватаю ее за шею, пальцы зарываются в ее волосы, и я заявляю права на ее губы. Она тает во мне. Мягкая, сладкая кожа оживает под грубыми кончиками моих пальцев.

Как только я разрываю поцелуй, то срываю ее рубашку через голову.

— Хьюстон, подожди, — стонет она, прижимая меня к стене.

— Тсс. Не разговаривай, — инструктирую ее я.

Наши сплетенные тела движутся в спальню. Шторы покачиваются, пропуская мягкий лунный свет. Он заполняет комнату, освещая тело Марли. Меня заводят ее мягкие изгибы. Ее яркие зеленые глаза глядят на меня, как на единственного мужчину на Земле, и от этого, мое сердце сжимается.

Я на шаг ближе к тому, чтобы все ощутить. Т олкаю ее, и она падает на кровать.

— Разденься, — шепчу я. Марли открывает рот, чтобы что — то сказать, но я ее перебиваю, — сегодня вечером никаких разговоров. Разве только, я тебя об этом попрошу.

Она кивает головой, понимая мою простую просьбу. У нее сверхъестественная способность знать, что мне от нее нужно.

Она снимает штаны, пока я расстегиваю свою белую рубашку. П позволяю ей упасть на пол.

Характерный металлический звук дразнит Марли, когда я ее расстегиваю молнию, прежде чем снять брюки и боксеры.

Откинувшись на кровати, она играет со своей грудью по моей просьбе.

— Помоги мне все забыть, — шепчу я.

Она кивает, пронзая меня с первого взгляда. Я отворачиваю голову, не желая встречаться с ее глазами. Слишком больно. Я отбрасываю любую кроху своих эмоций.

— Поиграй со своей киской для меня. Представь, что тебя ест мой рот.

Она делает так, как ей сказано. Хорошая девочка. Послушная.

Я сжимаю в кулак свой пульсирующий член, быстро двигаю им вверх и вниз. Бля, как же хорошо. Я делаю глубокий вздох, высвобождая изматывающее меня напряжение.

— Скажи, что ты готова к тому, чтобы я тебя научил, чтобы дал тебе свои наставления.

— Я готова к уроку, профессор, — говорит она воркующим голосом, от чего мой член чуть не взрывается.

— Я собираюсь научить тебя искусству грязных разговоров. Я хочу сделать так, чтобы твой миленький маленький ротик стал грязным.

Она прижимается к мягким хлопковым простыням на кровати, крутятся и поворачиваясь когда я смотрю на нее, одетую в черные кружевные трусики и лифчик. Непослушная девочка.

— Я готова учиться, — она улыбается, выгибает спину на кровати, белые простыни ласкают ее сладкое тело.

— Ложись и скажи мне насколько ты влажная, используя самое грязное слово которое сможешь придумать, — я подхожу ближе к кровати, все еще лаская мой член.

Мне нравится то, как она прикусывает свою нижнюю губу, как ее глаза блуждают по моему телу, останавливаясь на моем члене.

— Мое влагалище скользкое и мокрое для тебя. Я вся изнываю.

— Хорошая девочка. Теперь раздвинь ноги и покажи мне. Используй пальцы.

Она делает то, что ей говорят. Ее рука скользит между длинными ногами, исчезая под кружевом трусиков, двигаясь к ее сладкому центру.

— Хьюстон, — стонет она.

— Продолжай называть меня профессором, — я изгибаю бровь, отмечая ее реакцию.

— Профессор, — говорит она шепотом. Ее пальцы трутся о киску, когда моя рука набирает скорость, двигаясь на члене.

— Хорошо. Теперь скажи мне, чего хочет твой сладкий рот. Сделай это, используя грязные словечки, — я поднимаю палец и прижимаю к ее нижней губе, я тону в ее мягких глазах.

— Я хочу твой член.

— Ты можешь постараться получше, — я сжимаю ее губу между пальцами.

— Я хочу, чтобы ты трахал мой рот своим членом.

Я склоняю голову на бок, обдумывая достаточно ли грязные ее слова, нравятся ли они мне.

— Еще лучше, — требую я.

Она делает глубокий вдох, ее рука все еще работает над тугой киской.

— Я хочу, чтобы твой толстый член врезался в мой горячий рот и трахнул его. Я хочу, чтобы ты кончил в мое горло, пока сжимаешь мои волосы.

Я ухмыляюсь, откидываю назад голову и закрываю глаза, раздумывая над тем, сделать именно так или нет.

— Ты хочешь, чтобы я кончил на твой язык?

— Да, — она снимает трусики и бросает их мне.

Я ловлю их свободной рукой, поднося кружево к носу и вдыхая ее сочный аромат.

— Черт, детка, чего еще ты хочешь?

Она встает на колени со злобным блеском в глазах. Я никогда не хотел кого — то сильнее, чем ее.

— Профессор, — соблазняет она меня, — я была непослушной студенткой. Я не выполнила ваше задание. Накажите меня.

Чертовски горячая. Кто знал, что Марли Мерфи, робкая и застенчивая Марли Мерфи, может говорить такие грязные вещи, которые меня ошеломляют.

— Разговаривай со мной грязно, детка, — член снова у меня в руке, когда я поднимаюсь с кровати, готовый действовать.

Овладеть ее грязным ртом — это то, что мне нужно сегодня вечером, чтобы не думать. Ни о чем. Ни о моей жизни, ни о моем будущем, и определенно не о моем гребаном прошлом.

Я надеваю презерватив и устраиваюсь у ее нуждающейся киски.

— Детка, ты меня хочешь? — спрашиваю я, глубоко врезаясь в нее своим членом.

Быстрые, наказывающие удары поглощают меня, когда я погружаюсь в нее на всю длину.

Я не останавливаюсь. Чувств, слишком много. Ее сладкая киска поглощает мой член, и моя голова откидывается.

Она стонет и охает с каждым ударом моего члена, заставляя меня быстрее стремиться к освобождению.

— Тебе нравится чувствовать то, как я нахожусь глубоко внутри тебя, заставляя тебя кончить вокруг меня?

— Да, профессор, — кричит она, когда оргазм заставляет вздрагивать ее тело. Черт, у меня такое чувство, что она была создана для меня.

Мое собственное освобождение следует за ее оргазмом, мои глаза закрываются, а мозг отключается от любых мыслей о том, чтобы иметь ее всю оставшуюся жизнь.

У меня не должно быть таких мыслей, даже если я начинаю этого хотеть.

## Глава 17

### Марли

Делириум (существительное) — острое нарушенное состояние ума.

Отношения без каких — либо обязательств, определенно не для меня. Секс с ним просто потрясающий. Последние несколько недель, с тех пор как я на это согласилась, я пробовала все, чтобы не запасть на него сильнее: во время секса держала глаза закрытыми,

стояла на коленях, пока он входил в меня сзади, объезжала его в позе «перевернутая наездница». Делала все что угодно, чтобы не видеть взгляда его глаз, когда он захвачен страстью. И ничего из этого не работало. Я все больше в него влюбляюсь, я тону. Секс меняет все. Невозможно иметь такой потрясающий секс, не затронув чувства. Правильно?

Мы очень осторожно относимся к тому, чтобы держать нашу связь в тайне. На занятиях мы ведем себя профессионально. Как профессор и студент. Ну, по большей части. Были моменты, когда я роняла что —нибудь у его стола, и его пальцы скользили по моему бедру в обещании событий, ожидающих меня вечером. Мое первое осознание того, что «веревки затягиваются» и что я к нему очень привязалась, пришло два дня назад в кафе на территории кампуса. На следующее утро после отличной ночи секса, я остановилась, чтобы купить кофе и шоколадный круассан. Покрытый темными волосами затылок Хьюстона возвышался над толпой людей, стоящих в очереди. Прежде чем я смогла подкрасться и удивить его, и возможно, сэкономить время и пробраться в середину очереди, то увидела ее. Кэролайн Паркер, профессора по органической химии. Они стояли и разговаривали, его темные глаза были обращены к ней, и меня поразила ревность. Это нечестно. Он может свободно заигрывать с ней на публике, но не со мной. О чем бы она ни говорила, вероятно, это не являлось причиной огромной улыбки на ее лице или того, что ее ухоженные пальчики располагались на его руке. В этот момент вокруг меня «затянулась» первая веревка, я впервые осознала что привязываюсь к нему. Его глаза нашли меня в толпе, и кроме слегка поднятого уголка его губ, ничто не говорило о том, что он меня заметил. Его больше ничто не выдавало. Если бы кто — то посмотрел на его лицо, то никогда бы не распознал, что накануне он провел ночь со мной. Это нормально. Я это понимаю. Наши отношения — табу. Что — то запрещенное. И даже если бы я захотела что-то поменять, то он заранее прояснил то, что способен мне дать. Они уходили, а я смотрела прямо перед собой, чтобы не видеть, как она наклоняется слишком близко к нему, пытаюсь создать между ними химию... органически.

Еще одна веревка «затянулась» вокруг меня, когда он слегка провел по моей руке своим мизинцем, когда они проходили мимо. И самая плотная из всех веревок «затянулась» вокруг меня, когда я подошла к стойке, и кассир протянул мне карамельный капучино и шоколадный круассан, оплаченный профессором Дейлом для меня. То, что он заметил, что я иногда приносила именно их с собой перед занятиями, заставило мое сердце сжаться.

Сегодня он приедет ко мне, и я решила добавить что — то еще в микс из наших тел. Пиццу и фильм. Это очень похоже на настоящие отношения, но всем нужно есть. Я заказала обычную пиццу, так что это не будет выглядеть для него таким тревожным. Чем меньше индивидуального подхода в выборе пиццы, тем менее подозрительно все выглядит.

Положив руки на бедра, я рассматриваю барную столешницу, которая одновременно служит мне кухонным столом. Большая сырная пицца, вино, бокалы для вина и настоящие тарелки. Очень, ну очень похоже на настоящие отношения. Я быстро складываю тарелки друг на друга и ставлю их обратно в шкаф, а вместо них расставляю бумажные тарелки.

Отлично.

У меня нет времени заменить чем — то бокалы, потому что раздается стук в дверь, он здесь.

— Привет, — говорит он, когда я открываю дверь. Я не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому, как он выглядит в джинсах и футболке.

— Привет, — говорю я, улыбаясь. — Не паникуй, — говорю я ему, когда он входит

внутри, — но у меня есть пицца.

Его взгляд устремляется на столешницу, и он не выглядит разозленным, так что это хорошо.

— Ах, ты разжилась прекрасной посудой, — говорит он, направляясь к столешнице.

— Только лучшее для тебя, — поддразниваю его я.

Мы устраиваемся, и он хватается кусок пиццы.

— Ну как, тебе нравится учиться? — спрашивает он.

— Очень много работы, и иногда я не уверена, что действительно это мое.

— Почему ты так думаешь? — он потягивает вино «Шираз», когда вопросительно и с любопытством смотрит на меня.

— Я действительно не знаю. Мне иногда кажется, что я не создана для психиатрии.

Он придвигает ближе свой стул.

— В свой первый рабочий день, я был в ужасе.

Мои глаза округляются.

— Я этому не верю.

Он слегка улыбается.

— Ну, поверь в это. Моя первая неделя, прошла в отделении скорой помощи.

Я слушаю, как он рассказывает о жертве с огнестрельным ранением.

— Я был так расстроен, что потерял пациента, — шепчет он.

Я наклоняю голову на бок и протягиваю руку, чтобы его коснуться.

— Мне жаль.

Его глаза смягчаются.

— Все нормально. Но помню, как доктор Чарльз Абернати отвел меня в сторону и сказал, что иногда ты выигрываешь, а иногда что — то теряешь, — он качает головой.

— Мудрый человек. Ты не можешь спасти всех.

Он отстраняет свою руку, словно избавляясь от моих слов.

— Да, наверное, нет.

— Мне жать, Хьюстон.

— Не о чем жалеть. Марли, ты умная женщина. Думаю, ты далеко пойдешь.

Меня обдает жаром, и я улыбаюсь.

После двух кусков пиццы и бокала вина, мы садимся на кушетку, и я чувствую себя достаточно комфортно, чтобы спросить его:

— Когда-нибудь смотрел «Курс анатомии» (Прим. пер., худ. фильм 1989 г.)?

— Никогда не слышал об этом фильме, — я охаю, а он хихикает. — Конечно же, я его видел. Думаю, каждый будущий врач должен его посмотреть.

— Я знала, что ты мне нравишься не только из-за твоих превосходных навыков в сексе, — я улыбаюсь, когда кладу ноги на журнальный столик и откидываюсь на спинку кушетки. — Я подумала, что мы могли бы его посмотреть.

Это звучало очень похоже на «затягивающиеся веревки». Я уже готова к «нет». П потому что он жуёт уголок губы, наверное, задаваясь вопросом где я держу ножницы, чтобы он мог обрезать эти веревки и сбежать.

— Хорошо, включай. Этот фильм обязателен для просмотра.

Мы молча смотрим и где — то в середине, его рука пробирается к моим волосам, играя с ними. Это последнее что я помню, прежде чем проснуться. Моя голова лежит на коленях Хьюстона, а он сам — крепко спит. Я осторожно встаю, чтобы узнать, который час.

Он шевелится, и его глаза открываются, ошеломленные после сна.

— Черт, я не хотел засыпать.

— Не обращай на меня внимания, спи, — говорю я ему, прежде чем осознаю, что только что сказала. Видимо, он еще не уверен, что теперь со мной делать, но я не идиотка. Я знаю, что он хочет уйти. Так происходит всегда.

— Все в порядке, ты можешь уйти домой, — говорю я.

— Черт, — шепчет он, потирая лицо. Мне нужно перестать обманывать себя, он не захочет большего. Он встает и направляется к двери.

— Спасибо за отличный вечер, Хьюстон, — говорю я, мне не удастся скрыть оттенок горечи.

Он останавливается у двери и поворачивается ко мне, потирая затылок.

— Я знаю, что это может казаться неправильным, но это к лучшему. Никому не будет больно, верно? — спрашивает он. Я не уверена, пытается он убедить меня или себя.

Я киваю головой, соглашаясь с ним.

— Да.

Кому — то уже больно. Мне. Это моя вина. Я хочу его любви и не могу этого остановить. Все притворство в мире, не сможет показать, что для меня это только секс.

Телефон Хьюстона, оставленный на журнальном столике, звонит.

— Ты забыл телефон, — говорю я, поднимая его с кофейного столика. И я вижу на экране сообщение от кого — то по имени Дженнифер:

«Позвони мне. Я хочу тебя увидеть»

## Глава 18

Хьюстон

26 апреля

И так это началось...

— Кто такая Дженнифер?

Все шары, которыми я ловко жонглировал, падают на пол.

— Извини?

— Кто такая Дженнифер? — снова спрашивает она, на этот раз тише. Я провожу рукой по волосам. Она протягивает мой телефон, я забираю его у нее. — Пришло сообщение...

— И что? Ты думаешь, что имеешь право знать? — набрасываюсь я на нее.

— Что? Нет. Я просто... — бормочет она. — Сколько у тебя отношений без обязательств? — Боже, черт возьми, ее глаза наполнены слезами. Пожалуйста, не плачь. — Хьюстон, я больше не могу этого делать, — говорит она. — Это слишком тяжело.

— Что, это из-за сообщения? — пожалуйста, не делай этого. Разве не видишь, что ты мне нужна? — Если бы я хотел поговорить о ней, я бы тебе рассказал. Ты мне не доверяешь?

— Доверять тебе? Я ничего о тебе не знаю. Ты мне ничего не рассказываешь.

Тебе не понравится то, что я могу рассказать. На твоём лице больше не будет такого взгляда.

— Ты смешна, — говорю я ей.

Она стоит рядом, и ее мизинец обхватывает мой.

— Хьюстон, поговори со мной, пожалуйста.

— Поговорить с тобой? Что? П о — твоему, ты уже стала психиатром? — освободившись от ее руки, я медленно иду к двери. — Думаешь, что сможешь меня излечить? Разве не в этом все дело? Ты хочешь починить то, что сломано, — я открываю дверь, — я не способен на любовь, — я смог бы тебя полюбить, если бы все было по — другому. Наверное, я почти тебя полюбил.

— Нет людей неспособных на любовь, — шепчет она.

— Я такой человек.

Я ухожу, не сказав больше ни слова. Я направляюсь в противоположную сторону от своего дома. Иду туда, где я всегда мог думать. В то место, в котором чувствую себя, как дома. Медицинский центр «Л энгон» манит меня флуоресцентными лампами, горящими внутри, и я прохожу через раздвижные двери.

Комната скорой помощи наполнена людьми, но я незаметно проскальзываю мимо болезней и страданий на второй этаж и блуждаю по коридорам в поисках часовни.

Когда я вхожу в темную комнату, священник сидит на скамье. Я сажусь рядом с ним и склоняю голову. Молюсь.

Но, как всегда, Бог не отвечает на мои молитвы. Он никогда этого не делает. Он вообще меня слышит?

— Бог действует таинственным образом, — говорит мне священник.

— Да. Наверно.

— Ваш близкий болен? — его лысая голова сияет в свете свечей, и я ему мягко улыбаюсь.

— Да, я.

— Бог о вас позаботится.

Я хочу ему сказать, чтобы он, черт возьми, заткнулся, что он не знает, о чем говорит, но не делаю этого. Вместо этого я киваю.

— Да, возможно, так и будет.

— Что говорят врачи, что с вами не так? — спрашивает он.

— Я сам доктор, и я говорю, что медленно умираю.

— Разве мы все не умираем, сын мой?

Я смеюсь над его словами. Я не болен, на самом деле, я никогда не был здоровее чем сейчас. А вот то, что здоров прямо сейчас — настоящий позор. Прошло уже два года. Два долгих года наполненных желанием умереть.

Но смерть никак не приходит.

Бог работает таинственным образом? И все о чем я могу думать: что я ему сделал?

Говорят, у врачей самый ужасный комплекс Бога, и может быть, в какой — то момент моей жизни у меня он тоже был. Теперь, я провожу каждый день чертовски хорошо зная, что я вовсе не Бог.

— И что вы чувствуете по этому поводу? — спрашивает мой терапевт, доктор Гейл Фланиган.

— Я чувствую разочарование.

— А может тебе стоит узнать, что она хочет. Это может быть хорошо для вас.

Я осматриваю ее кабинет. Я приезжаю сюда почти два года. Меня об этом умоляла

мама, и я, наконец сдался.

Гейл пытается заставить меня взглянуть в лицо моим проблемам, но я никогда не хотел иметь с ними дело. Какие у меня аргументы? Я надеялся на то, что если я их не буду замечать, то они просто исчезнут.

Именно Гейл, предложила мне преподавать вместо того, чтобы заниматься практической медициной. Идея, которую я оценил. Я бы не добился ничего хорошего, спасая чьи — то жизни, не имея желания спасти свою собственную.

— Расскажите мне о той девушке? О ваших с ней отношениях.

Я откидываюсь назад в кресле. Все думают, что во время терапии ты лежишь на удобном кожаном диване, но это не так, я сижу на желтом кожаном кресле у окна, в которое постоянно бросаю взгляд.

Гейл понятия не имеет о том, что Марли — моя студентка. Она бы никогда никому об этом не рассказала, я уверен в этом, но это — личное, о чем я не хочу рассказывать. Чтобы сохранить тайну личной жизни Марли.

— Я думаю, с ней покончено.

— Почему вы так думаете? — ее черные волосы стянуты на затылке, и это напоминает мне о Дженнифер.

— Я все испортил. Я не знаю. Я просто не хочу слишком сильно увлекаться.

— Думаю, что это умно. Вы прошли долгий путь, Хьюстон. Я вами горжусь, но вам еще предстоит долгий путь.

Долгий путь. Может быть, я не хочу проходить весь этот путь. Может быть, я просто хочу продолжать двигаться по этой пустыне, в которую превратилась моя жизнь. Путешествовать по пыльным дорогам в моем сознании и затеряться на забытых равнинах.

Гейл думает, что может меня вылечить. Марли тоже так думает. Но, может быть, меня не нужно лечить. Возможно, именно такой должна быть моя жизнь.

— Да, возможно, — говорю я ей, потирая ладонью под подбородком.

— Хьюстон, я хочу, чтобы вы подумали о том, чтобы позвонить Дженнифер.

Я киваю.

— О'кей, — смотрю на часы, ожидая момента окончания сеанса. Каждая секунда кажется вечностью, и я умоляю Вселенную поторопиться.

Гейл замечает мой дискомфорт и улыбается.

— Сегодня мы можем закончить пораньше. Думаю, вам много о чем нужно подумать.

Я встаю.

— Спасибо.

26 апреля

Прошлой ночью я совсем не спал. Мое сознание заполнили воспоминания. У меня больше нет Марли. Я скучаю по ней.

27 апреля

Как долго человек может пожить без сна? Я знаю ответ на этот вопрос. Я ведь врач. Двести шестьдесят четыре часа. Кошмары неумолимы. Я видел, как Марли на меня смотрела во время занятия. Я хотел молить ее о том, чтобы она помогла мне скрыться от всего этого. Но мне ничто не поможет.

28 апреля

Итак, настал этот день.

Глава 19

Марли

Via dolorosa (латынь) «Путь страданий» — тревожное или болезненное путешествие или процесс.

Я просто в бешенстве. Это похоже на борьбу с пожаром с помощью огня. С Хьюстоном все в порядке, пока ему не нужно делиться чем — нибудь личным. Возможно, он прав, может быть, он не может любить. Возможно, он не может дать мне то, чего я хочу. Но, ох! как же я хочу этого с ним. Я так ужасно этого хочу. Но не могу продолжать желать то, что никогда не произойдет. Почему Хьюстон не сказал, кто она? Но технически, какое у меня было право, у него об этом спрашивать? Отношения без обязательств подразумевают, что ни перед кем не нужно отчитываться. Подразумевают отсутствие эмоций. Предполагается, что мне не следует беспокоиться. А я беспокоюсь. Поэтому, лучше всего со всем этим покончить.

Сегодня спокойная ночь, я беру книгу по анатомии, чтобы немного позаниматься перед завтрашним уроком.

Мой телефон пиликает, информируя о входящем сообщении, и я достаю его из своей сумки.

Профессор Дейл: «Можешь заскочить и забрать тесты для завтрашнего занятия, ну, и поработать завтра вместо меня?»

Будучи его помощником, я вполне могу провести одно или два занятия. Но он никогда раньше меня об этом не просил. Обычно, он все сам контролировал и появлялся на занятиях каждое утро.

Что — то не так. Он был таким отстраненным с тех пор, как мы порвали.

Я завязываю волосы в хвостик и надеваю узкие джинсы и длинный пурпурный свитер. Прносясь по ступенькам крыльца моего дома, я беспокойно думаю о том, с чем мне предстоит встретиться, когда я войду в квартиру Хьюстона.

Я стучу костяшками пальцев по деревянной двери. Проходит несколько минут, но ответа нет. Я начинаю сильнее нервничать. На этот раз я стучусь немного громче. Ничего.

К ручу дверную ручку. Не заперто. Должна ли я входить? Возможно, что-то случилось. Когда я вхожу внутрь замечаю, что жалюзи опущены, и внутри достаточно темно.

— Хьюстон? — кричу я.

Ничего.

Облако пылинок кружит вокруг свечи, мерцающей вдали. Я иду к ней.

На полу, между диваном и журнальным столиком, сидит Хьюстон. По деревянному полу разбросаны какие-то бумаги и фотографии.

Наполовину пустая бутылка бурбона стоит за фотографией, которую я не могу разглядеть.

— Хьюстон?

Его налитые кровью глаза смотрят на меня. В руке зажат голубой плюшевый мишка.

— Уходи, — его хриплый голос треснул на последнем слоге. Черт возьми, вот сейчас я прям возьму и уйду. Этот мужчина для меня все. Я не уйду. Когда опускаюсь, чтобы сесть рядом с ним, то ощущаю исходящий от него запах бурбона и... отчаяния.

— Хьюстон, поговори со мной, пожалуйста, — уговариваю его я.

— Бери все, что нужно для занятия, и проваливай отсюда.

Я ни за что не уйду. Его слова меня не убедят. Очевидно, что их причиной является боль. Я двигаюсь ближе. Мое сердце стучит, когда я скольжу глазами по фотографиям, разбросанным по полу.

С фотографии мне улыбается маленький мальчик с темными волосами и глазами, такими же, как у Хьюстона. Мои глаза сфокусированы на нем. Мои трясущиеся пальцы хватают фотографию, и я подношу ее ближе. О, Боже.

Я хватаю еще одну, и еще одну, отчаянно пытаюсь соединить воедино куски прошлого Хьюстона. На одной изображена счастливая семья. На другой тот же ребенок сидит на плечах Хьюстона. На третьей маленький мальчик со стоящим перед ним тортом на день рождения и темноволосая женщина, целующая его в щеку. Фотография за фотографией рассказывает мне историю жизни Хьюстона.

— Дженнифер, — шепчет он.

— Прости.

— Вот на этой фотографии изображена Дженнифер. Моя бывшая жена, — он указывает на фотографию в моей руке.

— Ох, — я смотрю на фотографию, вижу женщину с ребенком. У нее короткие темные волосы. Очевидно, что она счастлива.

— Знаешь, на что это похоже?

Я выпускаю долгий вздох.

— Что именно? — спрашиваю я мягко.

— Потерять часть себя.

Слеза скатывается по моей щеке.

— Это твой сын?

Он кивает. Мое сердце разрывается от болезненного всхлипа, слетающего с его губ.

— Что с ним случилось? — спрашиваю я, и меня пугает то, что он ответит.

Он сильнее сжимает плюшевого медведя, его глаза поднимаются на меня.

— Он мертв.

С этими словами он вскакивает на ноги, практически падая в процессе. Его пьяное состояние не помогает ему во время ходьбы, и он спотыкается, направляясь по коридору.

Я откладываю фотографии и устремляюсь за ним.

— Хьюстон?

Чёрт. Он потерял ребенка. До того как вошла в его дверь, мне больше всего хотелось, чтобы он смог мне открыться. Теперь я не уверена, что смогу справиться с правдой.

Он останавливается, поспешно оборачиваясь. Его глаза горят, а слезы, струйками стекающие по щекам, не помогают погасить бушующее в душе пламя.

— Что? Разве не этого ты хотела, а, Марли? Ты хотела знать правду. Ты хотела, чтобы я тебе открылся? Чтобы обнажил свою душу?

Ненависть в его голосе потрясает, ошеломляет меня до глубины души. Он хватается за меня

за плечи. Когда я качаю головой туда — сюда, то мои слезы льются таким же потоком, как и его.

Он падает на колени, обхватив мои ноги своими руками, его гнев превращается в печаль. Он плачет, я опускаюсь на пол. Мои пальцы пробегают по его густым волосам, утешая его, а он плачет еще сильнее. Затем я обхватываю его своими руками, его голова утыкается в мою грудь. Мы сидим так некоторое время. Никто из нас не отстраняется. Он держит меня так сильно, и это заставляет меня так же крепко к нему прижиматься.

Его рыдания разрушают меня, я плачу вместе с ним. Я не знаю всей истории о его сыне, но прямо сейчас, не смею ни о чем спрашивать. Я просто его держу. И слушаю, как разбивается мое сердце и падает рядом с его уже разбитым сердцем.

## Глава 20

Хьюстон

28 мая 2015 г.

Прошел месяц с тех пор, как умер Натан. Доктор Фланиган говорит, что будет полезно вести журнал. Я в этом сомневаюсь. Жизнь без Натана стала невыносимой. Дженнифер больше на меня и не смотрит. Она во всем винит меня. Я сам себя во всем виню.

Это была моя вина.

Мне больше нет смысла оставаться в Чикаго. Я потерял цель в жизни.

30 мая 2015 г.

Прошлой ночью Дженнифер попыталась убить себя, поэтому она отправилась жить к своей матери. Ей нужна помощь. Я типа думаю, что нам обоим она нужна. Но я должен быть сильным. Быть тем, кто удержит семью вместе. Но мы больше не семья. Я решил, что вернусь в Нью — Йорк. Как я могу быть врачом, если не смог спасти даже своего собственного сына?

Марли держит меня, пока я плачу. Полный неудачник, который не может удержать в себе свое Дермо. Два года назад в этот день у меня забрали Натана.

Мои слезы стихли. Я не знаю, как долго мы сидим на полу, и мне все равно. Я бы остался здесь навсегда, если бы это избавило меня от боли. Но это не так. Ничто меня от нее не избавит.

Черт, ничто никогда не избавит меня от этой боли.

Вина. Сожаление. Выворачивающее все внутренности ощущение потери ребенка.

Говорят, что родители не должны переживать своих детей. Я никогда в полном смысле не понимал этих слов, пока не умер Натан.

— Марли, — я поднимаю голову и смотрю в ее мягкие зеленые глаза. Она молчит, и я ценю это. В моей голове все спутано. Я не могу составить буквы в слова, чтобы рассказать ей свою историю. Но, я хочу ей рассказать. Я хочу, чтобы она меня знала.

Вытираю слезы.

— Я готов тебе рассказать.

И снова она не говорит, а просто меня обнимает.

— Ты можешь представить, что любишь кого — то больше чем себя? Любишь до такой степени, что если бы вы оба были голодны, то сделал бы все на свете, чтобы его покормить. Любишь до того, что если бы земля вокруг вас была в огне, то ты пронес бы его через огонь, — слезы угрожают упасть, и она смотрит на меня без осуждения. — Любишь так сильно, что если бы ты мог, то с радостью отдал бы за него свою жизнь.

— Нет, — честно шепчет она.

— Он был моим ребенком. Моей гордостью и радостью. Моя жизнь изменилась в тот момент, когда он родился. Цель моей жизни стала заключаться в том, чтобы защитить его любой ценой, — я сильнее к ней прижимаюсь. — И, я его подвел.

Она хлопывает меня по спине, проводит ногтями по хлопку моей рубашки. Как поступила бы любая женщина, любящая мужчину.

Я насмехаюсь над этой идеей. Она никогда меня не полюбит. Никто не сможет. Мужчина, не сумевший защитить тех, кого любит, — не мужчина вовсе.

— Как? — спрашивает она, отвлекая меня от моего горя.

Я немного приподнимаюсь и высвобождаюсь из ее объятий. Меня поддерживает стена, пока я пробегаю пальцами по своим волосам.

— Я опаздывал. Был сосредоточен на работе. Быть врачом — это тяжелый труд. В то утро мой будильник не сработал. Была моя очередь отвезить Натана в школу. У Дженнифер была встреча в старшей школе, где она преподавала. Мы стояли с ней на кухне и спорили, кто его отвезет?

Марли подползает ко мне ближе и прислоняется спиной к стене.

— И что случилось потом?

Мои глаза на краткий миг встречаются с нее.

— Мы облажались. Я попросил Джен поговорить с соседом, чтобы он отвез Натана в школу. Я поцеловал сына на прощание и выбежал из двери — я качаю головой, воспоминания об утренних событиях берут надо мной верх.

Марли обхватывает мою руку своими крошечными пальчиками, поддерживая меня, чтобы я мог продолжить.

— Я работал уже полчаса, как его вкатили. Видишь ли, я работал в отделе неотложной помощи. Это утро было похоже на любое другое. Просто обычный день. Но он не был обычным, — мои глаза закрываются, я вспоминаю о том, что сказали мне медсестры: в больницу доставили ребенка, попавшего в автокатастрофу. Для меня это был очередной пациент. Открыв дверь, я сначала увидел его красную футболку с человеком — пауком. Подумал, что у моего сына есть такая же. Когда подошел ближе, то увидел темные волосы, и осознал, что на каталке лежит мой сын.

События, которые за этим последовали, по — прежнему туманны, хотя я пытаюсь пересказать их Марли. Она тихо слушает, пока я пытаюсь понять, как так случилось, что мне не удалось спасти жизнь своего сына.

Как я разбил стакан в приемной, когда пытался найти тихое место, чтобы все обдумать. Как выглядело крошечное, обмякшее тело сына, когда я держал его в последний раз. Так мирно. Я не плакал после его смерти. Я был в ярости. Гнев поглотил каждую мою частичку. Под мою горячую руку попали даже мои коллеги. Пока я объясняю это Марли, она не

отводит глаз. Она принимает мой рассказ и предлагает свою руку, когда я продолжаю говорить.

После того, как рассказал о трагической смерти Натана, говорю о его жизни. О том, как он родился на два дня раньше. Как я часами его держал, не желая оставлять одного ночью. Что прочитав ему сказки на ночь, задерживался в его комнате, пока не был уверен в том, что он спит. И еще немного наблюдал за ним спящим.

Я рассказываю Марли обо всех планах, которые у меня были для моего сына. Как я хотел быть отцом таким же хорошим, как и мой собственный. Как хотел научить его водить машину, завязывать галстук, может быть даже научить медицине. В основном, научить его быть лучшим человеком, каким он мог стать.

Марли слушает, пока я рассказываю о каждом его бо — бо, о его любимых вещах, каждую смешную историю с его участием.

— Сегодня два года, как умер Натан. И умер он за несколько дней до своего шестого дня рождения, — все мои слёзы высохли, но когда я смотрю на Марли, то вижу, что она плачет. Я притягиваю ее к себе и провожу пальцем по ее щеке, смахивая падающие слезы.

— Хьюстон, мне так жаль, — ее глаза смотрят на меня с жалостью. Я не могу видеть в них боль и чувствовать ту же боль, отраженную в моем сердце.

Я хватаю ее лицо, мои пальцы впиваются в ее мягкую кожу, и я начинаю разорять ее губы. Ощущаю ее сладость и проводя языком по ее губам, умоляю ее унять мою боль.

Мне это нужно.

Все слезы, которые я пролил за последние два года, сломили меня до такой степени, что я не знаю, смогу ли когда —нибудь снова стать целым. Но каждый раз, когда Марли прижимает меня к себе, когда ее стоны срываются в мой рот, она складывает вместе кусочки разбитого меня. Мое сердце бьется. Моя кровь перекачивается. Мой член твердеет.

Я продолжаю поцелуй, когда направляюсь по коридору в спальню, не выпуская Марли из объятий. Опускаю ее на свою кровать.

В этот момент она меня знает. И я хочу, чтобы она знала обо мне все. Все. Каждую грязную деталь. Я и сам хочу о ней все знать.

— Ты единственная помогаешь мне забыть.

Я очень медленно снимаю ее одежду, смакуя каждую частичку ее соблазнительного тела. Ее изгибы, линии ее великолепного лица, даже то, как ее волосы текут, словно океан, на моих белых простынях.

Все в ней прекрасно.

Я скольжу рукой по ее телу к полной груди, тяну и сжимаю ее затвердевшие соски. Она стонет, тем самым сообщая мне, что ей нравится мое прикосновение. Рычу, чтобы она знала, как сильно я возбужден.

То, как я к ней прикасаюсь, похоже на танец.

Мы двигаемся вместе, идеально подходя друг другу. Я в нее проникаю. Она принимает каждый мой дюйм, пока наши глаза не отрываются друг от друга.

Я влюбляюсь в нее.

Сильно.

И ничто не может это остановить. Даже если бы я мог все остановить, то не захотел бы этого делать.

Мы с ней двигаемся в одном ритме, наши тела сталкиваются друг с другом. Ко мне прижимаются ее груди, заставляя меня искать освобождения.

Я сжимаю рукой ее волосы, не желая ее отпускать, когда ее ногти впиваются мне в спину.

— Марли, я хочу, чтобы это никогда не прекращалось.

На ее глаза наворачиваются слезы, угрожая упасть в любой момент. Я притягиваю ее ближе, пока погружаюсь в нее еще глубже.

Трусь губами ее рот, требуя, чтобы она мне открылась. Она это делает, и я сразу же на нее набрасываюсь, мы дышим друг другом, возвращаем друг друга к жизни.

Мы кончаем вместе, тесно прижавшись друг к другу.

Рваное дыхание. Биение сердец. Я стираю слезу, которая катится по ее щеке и прижимаюсь губами к ее губам.

— Спасибо, — шепчу я.

Она сползает с кровати и улыбается, когда надевает свою одежду.

Прежде чем Марли уходит, она поворачивается ко мне:

— Хьюстон, возможно, тебе не стоит пытаться забыть. Может, тебе стоит помнить.

## Глава 21

### Марли

Suadade (португальский) — чувство тоски по кому — либо, когда того нет рядом.

На следующее утро я открываю свои опухшие из — за плача глаза.

Какое же мужество, должно быть потребовалось Хьюстону, для того, чтобы он мне открылся. Я хочу поддержать его, помочь ему.

Вчера поздно вечером я покинула его квартиру, желая дать ему пространство после того как он обнажил передо мной свою душу. Веселый солнечный свет, льющийся в мою комнату, не может улучшить мое настроение. Как такое возможно? Я одеваюсь и звоню Хьюстону, чтобы проверить, как он там, с идеей быть рядом с ним. Он не отвечает. Перед учебой я захожу в его квартиру, но его там нет.

Мой телефон пиликает, когда приходит сообщение.

Профессор Дейл: «Я не вернусь»

Я: «Куда ты собрался? Как долго тебя не будет?»

Профессор Дейл: «Забудь меня»

И как только я это читаю, идея быть с ним исчезает.

— Марли, я уверена, что он в конце концов позвонит, — говорит Лекси, прежде чем сделать глоток вина. Она приехала сегодня утром на выходные. Этот «позволь мне убедиться, что с тобой все порядке» визит, замаскирован под «сюрприз! я приехала в гости, потому что мне нужно купить кое — что в Нью — Йорке». Меня всегда подбадривает общение с Лекси, так что я рада, что она здесь. Мы как инь и ян.

Я вывернула перед ней свою душу, пока мы ужинали пиццей и вином. Хорошее вино «Pinot Grigio», любимое вино Хьюстона, делает мрачным мое настроение, пока я мысленно устремляюсь к нему.

Я отталкиваю стул и беру наши тарелки.

— Может быть, — говорю я. — Я не уверена.

Прошло несколько дней с тех пор, как я узнала правду о Хьюстоне.

Он нашел преподавателя на замену себе, и нам сообщили, что он не вернется в этом семестре. Я буквально следила за его квартирой, думая, что он может вернуться. Несколько раз ему звонила, но без ответа. Словно он исчез, с лица земли.

— Вам ничего не говорили о том, когда он вернется? — спрашивает Лекси, когда я ополаскиваю наши тарелки, а затем ставлю их в посудомоечную машину.

— Нет. Я волнуюсь, — говорю я ей, садясь на кушетку.

Она садится рядом со мной.

— Иди сюда, — ее руки обнимают меня, я в коконе комфорта.

— Я просто не знаю, что делать, — говорю я отстраняясь.

— Послушай, ему самому нужно с этим разобраться, — говорит Лекси, вытирая слезы с моей щеки. — Ты не можешь это исправить, Марли.

Я вздыхаю, снова устраиваясь на кушетке.

— Возможно, ты права, — я смотрю на нее. — Но я хочу быть там для него.

— Ох, я знаю, что хочешь, милая.

После того, как я ей все рассказала, мы топим нашу грусть и боль в ведерке с мороженым. Почему мороженое всегда помогает мне чувствовать себя лучше?

Через некоторое время она проваливается в сон, а мой мозг переполнен мыслями о Хьюстоне. Мои дни наполнились выполнением домашних заданий и жалостью к себе. Я чувствую себя виноватой за то, что себя жалею. Ничто не может улучшить мое состояние, кроме возможности быть с ним, чтобы его поддерживать. Но он меня не пускает. И я понимаю, что ему нужно это преодолеть. Так как я могу на него злиться за то, что он исчез? Какой бы эгоисткой я была? Хотя, я — человек, и хочу знать, что он в порядке. Спит ли он? Плачет ли он? Именно это причиняет мне боль. Я за него переживаю. Очень сильно. Его потеря объясняет так много: его потребность в контроле и то, как он закрылся от окружающих. Его непрекращающуюся ненависть к опозданиям. Иногда, я задаюсь вопросом, использовал ли он меня как инструмент, помогающий ему обо всем забыть. И теперь, когда знаю, что находится глубоко в его душе, мне даже неважно, что он пропал, ведь если наша с ним близость, забрала у него хоть немного боли, то я бы делала это снова.

На следующий день мы с Лекси вышли на улицы Нью — Йорка, чтобы осмотреть достопримечательности. Эмпайр Стейт Билдинг. Статую Свободы. Таймс Сквер.

Мы были везде. А напоследок заглянули в Чайна — таун, чтобы присмотреть себе сумочки.

— Боже мой, здесь столько всего, что я хочу, — говорит Лекси. Она прыгает от продавца к продавцу, проводя рукой по различным тканям и текстурам.

Свежий воздух обдувает мое тело, когда я пытаюсь притвориться счастливой. Я все еще чувствую, как все скручивается глубоко внутри. Почему он не звонит?

Мы возвращаемся, наши руки загружены покупками Лекси.

— Марли, я хочу сказать, что горжусь тобой. Посмотри на все, что ты сделала, — изливает она свои чувства, пока мы идем в сторону моего дома.

Я закатываю глаза, улыбаясь ее похвале.

— Да, большое достижение. Я спала со своим профессором.

Лекси останавливается, а люди движутся вокруг нас.

— Марли, ты не можешь выбирать, кого хочет твое сердце.

Я хочу, чтобы тротуар раскололся и проглотил меня целиком.

— Я прямо «настоящий победитель», да?

Она взяла меня под руку и начала движение.

— Слушайся свою старшую сестру. Не думай так, — отчитывает она меня. — Если ты сможешь делать это здесь и сейчас, то сможешь сделать когда и где угодно.

Я смеюсь.

— Ты же не просто так это сказала.

Она улыбается.

— Не заставляй меня петь, — говорит она. — Seriously, ты живешь в одном из величайших городов мира. Ты выучила схему метро, и тебя не ограбили. Ты учишься в медицинской школе, и ты влюбилась. Да, любовь — отстой, но судя по всему, это грандиозно.

— Грандиозно? Ты под кайфом? — я смеюсь, а она улыбается.

Лекси хлопывает меня по руке.

— Ага, под кайфом из — за великолепной сумочки, которую купила. Нет, я рада за тебя. Подумай обо всей бесплатной терапии, которую я тебе устраиваю. И не волнуйся из — за Хьюстона. Он вернется когда будет готов. Ты — удивительная девушка, — говорит она, проводя нас сквозь толпу людей.

Я прищуриваюсь.

— Хорошо, что ты сделала с моей сестрой?

Она толкает меня своим бедром.

— Я серьезно.

Ее улыбка слегка приободрила меня. Лишь слегка.

— Давай пока не будем возвращаться. Мне нужно еще кое — что купить.

Мы гуляем по улицам Нью — Йорка, занимаемся шопингом, смеемся и едим. Я скучала по своей сестре. Мы хватаем с прилавка хот — доги, и Лекси ведет шуточные разговоры об их сходстве с фаллосами.

— Хочешь посмотреть шоу на Бродвее или заняться еще чем-нибудь необычным, что делают сучки? — спрашивает Лекси.

Я смеюсь.

— Да, конечно. Давай прогуляемся по Центральному парку.

Позже вечером, когда Лекси надоедает гулять по городу, а ее живот переполнен хот — догами, мы возвращаемся домой и я бросаю взгляд через дорогу на квартиру Хьюстона. Свет не горит. Там никого нет. В мое сознание врзается это окно, как последнее воспоминание о нем.

Глава 22

Хьюстон

29 апреля

Возможно, мне не нужно забывать, может быть, мне нужно помнить. И именно к этому я стремлюсь.

Тяжело было оставлять Марли.

Наблюдая за тем, как капли текут по стеклу окна поезда, когда я направляюсь в Принстон, в дом моих родителей. Я прислоняюсь головой к стеклу, закрывая глаза, чтобы подумать о своей жизни.

О моей так называемой жизни. О жизни, которую я перестал проживать, когда у меня забрали Натана.

Я бы хотел сказать, что Дженнифер справилась с его смертью лучше меня, но она путешествовала по тому же темному пути отчаяния.

Я хотел смерти после смерти Натана, молил об этом.

Говорят, когда умираешь, то твоя жизнь проносится перед глазами. Но что, если то что происходит сейчас со мной, и есть предсмертная быстрая вспышка воспоминаний, и я уже умираю?

И если это так, то это самый медленный путь к смерти.

Я делаю глубокий вдох, когда поезд приближается к остановке в Принстоне.

Я позвонил своей сестре, чтобы она меня забрала, и когда выхожу с вокзала, она ждет, прислонившись к серебряному «Мерседесу».

— Привет Кэти, как дела? — говорю я, подходя к ней.

— Это я должна тебя об этом спросить, большой брат. Ты неважно выглядишь, — она улыбается, ее карие глаза сверкают, и мы обнимаемся.

— В действительности, сейчас мне намного лучше, чем до этого.

Она еще раз меня сжимает, прежде чем отпустить.

Мы едем по дороге в дом, где я вырос. Мы не разговариваем. Нам это не нужно. Она понимает меня лучше большинства людей. Комфортная тишина, больше нам ничего не нужно.

Она знает, что я пытаюсь.

Черт, я хочу жить нормальной жизнью, в которой не думал бы о Натане каждую секунду каждого дня. Я скучаю по всему, что с ним связано. И я никогда его не забуду. Но иногда мне нужен перерыв.

Сестра паркует машину на длинной подъездной дорожке, покрытой крупной галькой. Глядя на стоящий передо мной дом в колониальном стиле, я вытираю ладони о джинсы.

Сейчас или никогда.

Кэти открывает дверь. Мои родители стоят возле входа. Мой нос щекочет запах гортензий. Холл заполнен увядающими цветами в память о вчерашнем дне. О годовщине смерти Натана. Они тоже его потеряли, и иногда я так сильно проникаюсь своими собственными страданиями, что забываю о том, что они тоже страдают.

Отец идет вперед, и я шепчу:

— Прости.

— Ты прощен, сынок, — он обхватывает мое тело своими сильными руками, притягивая к себе.

В течение последних двух лет, когда кто —нибудь когда —нибудь упоминал моего сына, я ломался. Поэтому моей целью стало отталкивание моей семьи.

Когда-то мы с отцом были очень близки; у нас были отношения, которые я всегда хотел иметь с Натаном. Прощение моего отца значит для меня все, и я плачу, когда он крепко прижимает меня к своей груди.

Мой отец тоже плачет, а рядом со мной плачут мама и сестра. Я поднимаю голову и

развожу руки, чтобы притянуть и их в объятия.

Мы плачем всей семьей. Это именно то, что нам сейчас нужно.

Через некоторое время мать уводит нас на кухню. Она готовит ужин, пока по радио играет тихая музыка.

— Хьюстон, а Дженнифер там будет? — спрашивает отец с беспокойством в глазах.

— Надеюсь, — впервые с тех пор, как мы с Дженнифер развелись, я хочу ее увидеть.

Мы ужинаем все вместе, как в старые добрые времена.

После этого отец отводит меня в сторону.

— Он всегда будет твоим сыном. Тебе не нужно его забывать. Не существует правильного способа для того, чтобы горевать. И я горжусь тобой, сынок. Ты преодолел намного больше всего, с чем я смог бы справиться.

— Спасибо, пап, — говорю я, снова обнимая его.

— Натан обожал тебя. Ты был его сияющей путеводной звездой, но твой свет погас. Я не думаю, что он бы хотел этого для тебя.

— Да, — я провожу рукой по затылку.

— Тебе нужно снова найти свой свет.

— Я тоже этого хочу, — говорю я ему.

Я остаюсь на ночь в доме моих родителей, а на следующее утро Кэти везет меня в аэропорт Ньюарка.

Садясь на самолет в Международном аэропорту О'Хара, чувствую, как моя грудь горит от нетерпения. Мы с Дженнифер договорились каждый год посещать могилу Натана в день его рождения. В прошлом году я так и не появился.

Когда я добираюсь до Чикаго, в воздухе пахнет весной, но нельзя сказать, что она наступила, так как я продрог то костей. Листья шуршат под моими ногами, каждый из которых приближает меня к месту назначения.

Я толкаю кованые железные ворота и шагаю по траве. Небо, затянутое облаками, проливает на меня свою печаль, когда я брожу по кладбищу в этот мрачный день. Когда я направляюсь к могиле сына, мои руки находятся глубоко в карманах кожаной куртки.

Меня накрывает меланхолия.

Я оглядываюсь, ища мраморный надгробный камень, который, как я знаю, находится всего в нескольких шагах от меня. Когда я его нахожу, то падаю на колени.

Такое чувство, что это кладбище меня знает. Наблюдает, как я плачу. Смотрю на надгробие, на наследие Натана.

Слеза катится по щеке, я ее стираю, пока произношу тихую молитву. Благоговение заставляет меня затаить дыхание. Безмятежность, заставляет мои глаза наполняться слезами. Легкая морось падает с неба, угрожая превратиться в ливень, но это не меняет моих планов.

— С днем рождения, приятель, — слеза падает. — Натан, я тебя люблю. Скучаю по тебе каждый день. Прости. Мне так жаль, — я словно распадаюсь на части.

Никогда не станет легче. Время проходит, но воспоминания никуда не исчезают. Может быть, никогда и не исчезнут.

— Привет, — я слышу ее голос. Она подходит к тому месту, где я сижу, и кладет игрушечную машинку на надгробный камень.

— Привет, Джен.

Она опускается на колени рядом со мной, воздух наполняется ее любимыми духами.

Это возвращает все воспоминания о том, что я когда — то имел.

— Как дела? Я не была уверена в том, что ты собираешься здесь появиться, — между нами неловкость, которую, я уверен, она тоже чувствует.

— Да, мне жаль. Просто в прошлом году было слишком тяжело. Хотя, становится чуть лучше, — я пробегаю рукой по надгробию, все еще не в состоянии смотреть на свою бывшую жену.

— Это хорошо. Хьюстон, а я выхожу замуж, — ее слова меня не шокируют.

Я поворачиваюсь к ней лицом, впервые за долгое время смотрю на нее. Ее волосы стали длиннее, и она выглядит чуть счастливее. Ее глаза все еще выражают глубокую печаль, которая отражает и мою. Печаль, которая думаю, никогда не исчезнет.

— Он хороший парень?

— Да. Его зовут Стюарт. Он мне очень помог.

Я улыбаюсь.

— Это хорошо, — я делаю глубокий вдох. — Я должен был его отвезти.

— Что?

— В то утро я должен был сам отвезти Натана в школу, — мои плечи опускаются, когда я смотрю на его надгробие.

Дженнифер хватает мою руку, привлекая в себе мое внимание.

— Нет, ты не должен этого делать. Ты не можешь винить себя.

— Это моя вина, — еще одна слеза скатывается по моей щеке.

— Это не наша вина. Долгое время я винула себя. Я обвиняла всех. Он был моим маленьким мальчиком, Хьюстон. И не проходит мгновения, чтобы я по нему не скучала, — она всхлипывает, прижимая к лицу руки, а затем поднимает заплаканные глаза. — Я была его мамой.

Я обнимаю ее, притягивая к себе.

— Жизнь — отстой.

Она вырывается из объятий и вытирает нос.

— Это действительно так, — она делает паузу, прежде чем продолжить, — я звонила тебе, потому что у меня есть кое — что из вещей Натана, и я подумала, что ты захочешь, чтобы они были у тебя.

— О'кей.

Некоторое время мы сидим молча, позволяя облакам проноситься мимо нас, пока оба тихо молимся о нашем маленьком мальчике.

Когда мы возвращаемся к стоянке, то я замечаю рыжеволосого мужчину с бородой, опирающегося о серебристый седан.

Он улыбается, когда видит Дженнифер, и она бросается в его протянутые для объятий руки. Нас обдувает прохладный ветерок. Наконец они оба обращают на меня свое внимание.

— Ты, должно быть Хьюстон, — говорит мужчина. — Меня зовут Стюарт, — его улыбка теплая, дружелюбная. Он протягивает мне руку, когда наши глаза встречаются. Он проходит «проверку рукопожатием». Крепкое рукопожатие, когда смотришь человеку в глаза, вызывает восхищение.

— Привет, рад с тобой познакомиться.

Дженнифер шепчет ему, чтобы он открыл багажник. Они смотрят в глаза друг другу, с выражением искренней любви на лицах. Мне хочется того же. Хочется такого же счастья. Я хочу этого с Марли. Я хочу узнать, каково это, жить с ней. Помнить, что значит быть

свободным от чувств вины и боли. Мой терапевт сказала, что однажды настанет момент, когда я буду готов двинуться дальше. Это будет медленным процессом, но мне бы хотелось снова открыть для себя жизнь. Думаю, что настал этот момент.

Стюарт целует Дженнифер в щеку, прежде чем забраться в машину, чтобы нажать на кнопку, открывающую багажник.

Она подзывает меня к себе и достает коробку, затем передает ее мне. Я заглядываю внутрь, и у меня наворачиваются слезы.

Мы прощаемся во время яркого оранжево — розового заката. Пока я сажусь в такси, чтобы вернуться в гостиницу, меня обдувает мягкий ветерок. Я крепко сжимаю коробку в руках, ожидая, что как только доберусь до гостиницы, внимательно рассмотрю все сокровища, скрытые внутри.

Пройдя через двери, кладу коробку на кровать и сначала вытаскиваю бейсбольную перчатку. Она такая маленькая. Меня охватывают воспоминания о тренировках малой лиги и о том, как я тренировал его перед первой игрой.

Затем я достаю из коробки бейсболку, крошечную красную бейсболку, и прижимаю ее к груди. Я так сильно по нему скучаю. Так чертовски сильно. Падаю на кровать, мои плечи опускаются, когда я придвигаю коробку к себе.

Замечаю на дне коробки синий кусок картона, мои пальцы сжимают край, и я ее достаю. Это записка Натана, которую я никогда не видел. Читаю ее. Смеюсь, а потом плачу. На бумаге написано черным и фиолетовым карандашами: «Мой папа — самый лучший папа во всем мире. Мой папа любит меня, а я люблю его».

Мой сын знал, что я люблю его. Я крепче прижимаю записку к своей груди и улыбаюсь.

## Глава 23

### Марли

Воскрешать (глагол) — сделать что — то снова активным или энергичным.

Проходит еще одна неделя, а затем другая, и надежда когда — либо снова увидеть Хьюстона исчезает с каждым днем.

После того, как уехала Лекси, я бросилась с головой в учебу, останавливаясь только для того, чтобы поспать. Но сон — непростая задача, когда ты по кому — то скучаешь.

Я еду на занятия своим обычным маршрутом, на метро. Бессмысленная болтовня, давка и суета пассажиров отвлекают меня от грустных мыслей. На автопилоте шагаю по университетскому городку.

Когда добираюсь до двери в здание, где проходит занятие по анатомии, у меня перехватывает дыхание. Он вернулся.

Мое сердце замирает, когда он подходит ближе, и я вижу его глаза. Проблеск надежды кроется в глубинах его темных глаз. Его руки в карманах, а небольшая улыбка украшает его лицо. Я хочу провести пальцами по его волосам, которые за последние недели прилично отросли.

— Хьюстон, — выдыхаю я.

— Привет, Марли. Я знаю, что тебе нужно идти на занятия, — в его голосе слышится уязвимость, словно он не в своей тарелке. — Я просто хотел тебя кое о чем спросить.

У меня к нему так много вопросов. Но я их не задаю. Вместо этого я слушаю.

— Продолжай.

Он переминается с ноги на ногу, его рука тянется к затылку.

— Понимаю, что не имею права спрашивать, и знаю, что сам всегда говорил, что никогда не хотел свиданий. Но, зайдешь ко мне сегодня вечером? У меня есть кое — что важное, что я хочу тебе показать.

Я отвечаю сразу же:

— Конечно, приду, — я хочу его обнять. Поцеловать. Но он уходит.

Вечером, когда мои нервы натянуты до предела, я осмеливаюсь отравиться к нему. Надеваю маленькое черное платье, красные туфли на каблуках и серебряные серьги — кольца. От нервозности сжимаю вместе губы и ощущаю на них равномерно наложенный блеск для губ.

Хьюстон меня впускает, и на его лице застыла улыбка. Он выглядит счастливее, светлее. Он стоит на месте, когда я вхожу в его хорошо освещенную квартиру.

Она так разительно отличается от того, что я видела, когда была здесь в последний раз. Я оглядываюсь и вижу фотографии Натана, расставленные над камином.

Приближаюсь к ним и провожу пальцами по серебряной рамке.

— Прекрасная фотография, — говорю я, любуюсь Натаном, сидящим на лошади.

— Здесь ему три года, он так боялся залезть на эту лошадь. Помню, как крепко его держал и говорил, что с ним все будет в порядке, — у него слегка увлажняются глаза, но он сдерживается. Я горжусь тем, что он держит себя в руках.

Перехожу к другой фотографии и вижу еще две, на полке возле кухни.

— Эти тоже замечательные, Хьюстон.

— Я хочу все помнить. Каждую деталь каждого дня его короткой жизни.

Я его обнимаю. Обнимаю изо всех сил. Он рассказывает мне о том, где пропадал последние несколько недель. Я рада, что они с Дженнифер возвращаются к жизни.

— Думаю, это здорово, — говорю я, небольшая улыбка играет на моих губах. — Ты выглядишь счастливее.

— Марли, я давно не был счастлив, — он подходит ближе. — Но, я хочу быть счастливым. Я пытаюсь, — он тянется ко мне и наклоняется. — Я хочу попытаться быть счастливым с тобой.

Мои губы встречают его в страстном поцелуе, наши языки танцуют. Я откидываюсь назад.

— Я тоже этого хочу.

Он выгибает бровь, улыбается мальчишеской ухмылкой.

— Кроме того, кому — то нужно быть уверенным, что ты останешься в игре.

Я смущенно улыбаюсь.

— Что, правда? А что будет, если я этого не сделаю?

— Буду тебя шлепать. Будет много — много шлепков, — он притягивает меня ближе к своей сильной груди.

— Марли, одну вещь я знаю наверняка: жизнь коротка. Я хочу взять лучшее от каждого дня и хочу, чтобы ты была рядом со мной.

Ему не нужно просить меня дважды.

Эпилог

## Хьюстон

Сказать, что прошлый год с Марли прошел легко, было бы ложью. Но я каждый день стараюсь быть сильным для нее, для себя.

Я вернулся к медицине, моему единственному истинному призванию. Работа в Нью-Йоркском медицинском центре «Лэнгон» стала воплотившейся в жизнь мечтой.

Бывают и тяжелые дни. Иногда мне хочется свернуться калачиком и никогда не просыпаться, но мне всегда помогает Марли.

Учеба ей не дается легко, она упорно трудится изо дня в день, чтобы добиться успеха.

Ее красота, ее сила и ее доброе сердце — это лишь некоторые из тех вещей, которыми я восхищаюсь больше всего. Кто знал, что она сможет исцелить мою душу. Кто знал, что моя душа достойна спасения?

Я ее люблю.

Решение быть с ней далось мне легко.

Мой терапевт заметила значительное улучшение в моей жизни, и теперь мы встречаемся один раз в месяц. Я все еще каждый день пишу в своем дневнике.

И не было дня, чтобы я не праздновал жизнь своего сына, Натана.

Мы подъезжаем к кладбищу, и я беру за руку Марли. Глубоко вздохнув, мы проходим через железные ворота и направляемся к могиле Натана.

Дженнифер и Стюарт сидят у его могилы бок обок. На его надгробии выстроены в линию игрушечные автомобили.

Мы приветствует друг друга, и я представляю им Марли. Мы с Марли становимся на колени на невысокую траву, и я замечаю живот Дженнифер.

— Какой месяц? — спрашиваю я.

— Седьмой. Мне страшно, — говорит Дженнифер с улыбкой на лице, проводя ладонью по своему выпирающему животу.

Стюарт кладет руку ей на спину, проводит пальцами вверх и вниз, а Марли сжимает мою ладонь.

— Думаю, что это здорово, — я отпускаю руку Марли, чтобы обнять Дженнифер, слеза скатывается по моей щеке.

Солнце висит высоко в небе, на рядом стоящих деревьях шумят на ветру листья. Там какое безмятежное место, здесь покоится мой сын.

Через некоторое время после того, как Дженнифер и Стюарт ушли, Марли обнимает меня и говорит, что подождет меня у арендованной машины.

Момент наедине с моим сыном. Я вытаскиваю записку, которую он написал мне, перед смертью. Сжимаю ее в ладонях, глядя на его могилу.

— С Днем Рождения, приятель. Я так по тебе скучаю, — я ухожу, зная что был идиотом, когда пытался его забыть. Нет, память о нем никогда не исчезнет.

Когда я вижу Марли, прислонившуюся к машине, мое сердце бьется быстрее. Я ее обнимаю и целую в макушку.

— Спасибо, что вошла в мою жизнь, когда я больше всего в тебе нуждался.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**